1Ф 738390

К-235

П. Кропоткинъ.

Государство и его историческая роль.

(L'Etat et son rôle historique)

Цѣна 65 коп.

МОСКВА.

Типографія Л. Ѳедорова. Больш. Дмитровка, д. 15 Телеф. 59-32.

11470

ФОНД

93
95

~~Каб фонд~~.

84
87
00

Пр. 2010

97

738390

89 1 экз

Биб-ка Обл. парт. школы
Инв. 2026/врх
при Сверд. Облоне ВКП(б)
32
К83
866
Кропоткин, П.

I.

Избирая предметомъ этого очерка Государство и ту роль, которую оно играло въ исторіи, я имѣлъ въ виду замѣчаемую теперь потребность въ серьезномъ изслѣдованіи самой идеи государства, его сущности, его роли въ прошломъ и того значенія, которое оно можетъ имѣть въ будущемъ.

Соціалисты разныхъ оттѣнковъ расходятся, главнымъ образомъ, по вопросу о государствѣ. Среди многочисленныхъ фракцій, существующихъ между ними и отвѣчающихъ разницѣ въ темпераментахъ, въ привычкахъ мышленія и, особенно, въ степени довѣрія къ выдвигающейся революціи,—можно прослѣдить два главныхъ направленія. На одной сторонѣ стоятъ всѣ тѣ, кто надѣется осуществить соціальную революцію посредствомъ государства, сохраняя большую часть его отправленій и даже расширяя ихъ и пользуясь ими для революціи. А на другой стоятъ тѣ, кто, подобно намъ, видитъ въ государствѣ,—и не только въ современной или какой нибудь другой его формѣ, которую оно можетъ принять, но въ самой сущности его,—препятствіе для соціальной революціи, самое серьезное препятствіе для развитія общества на началахъ равенства и свободы, такъ какъ государство представляетъ историческую форму, выработавшуюся и сложившуюся съ цѣлью помѣшать этому развитію. Люди, стоящіе на такой точкѣ зрѣнія, стремятся поэтому, не преобразовать, а совершенно уничтожить государство.

Различіе очевидно очень глубокое. Ему соотвѣтствуютъ два теченія, борящіяся теперь повсюду—и въ философіи, и въ литературѣ, и въ общественной дѣятельности нашего времени. И если ходячія понятія о государствѣ

бр 2493
438390
(6350)
ин. к. 2270
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Госу...
г. Свердловск

1ф
К 835
с. 5

останутся такими же сбивчивыми, каковы они теперь, то вокругъ нихъ и произойдетъ ожесточенная борьба, едва только настанетъ то, надѣюсь близкое время, когда коммунистическія идеи попытаются осуществить на практикѣ, въ жизни общества.

Поэтому мнѣ кажется, что для насъ, такъ часто нападавшихъ на современное государство, особенно важно выяснить теперь причину его зарожденія, изслѣдовать ту роль, которую оно играло въ прошломъ, и сравнить его съ предшествовавшими ему учрежденіями.

* *
*

Условимся прежде всего въ томъ, что мы разумѣемъ подъ словомъ „государство". Извѣстно, что въ Германіи существуетъ цѣлая школа писателей, которые постоянно смѣшиваютъ государство съ обществомъ Такое смѣшеніе встрѣчается даже у серьезныхъ нѣмецкихъ мыслителей, а также и у тѣхъ французскихъ писателей, которые не могутъ представить себѣ общества безъ государственнаго подавленія личной и мѣстной свободы. Отсюда и возникаетъ обычное обвиненіе анархистовъ въ томъ, что они хотятъ „разрушить общество" и проповѣдуютъ „возвращеніе къ вѣчной войнѣ каждаго со всѣми".

А между тѣмъ такое смѣшеніе двухъ, совершенно разныхъ понятій, „государство" и „общество", идетъ въ разрѣзъ со всѣми пріобрѣтеніями, сдѣланными въ области исторіи въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ; въ немъ; забывается, что люди жили обществами многія тысячи лѣтъ прежде чѣмъ создались государства, и что среди современныхъ европейскихъ народностей государство есть явленіе самаго недавняго происхожденія, развившееся лишь съ шестнадцатаго столѣтія,—причемъ самыми блестящими эпохами въ жизни человѣчества были именно тѣ, когда мѣстныя вольности и мѣстная жизнь не были еще задавлены государствомъ, и когда массы людей жили въ общинахъ и въ вольныхъ городахъ.

Государство есть лишь одна изъ тѣхъ формъ, которыя общество принимало въ теченіе своей исторіи. Какимъ же образомъ можно смѣшивать понятія объ обществѣ и государствѣ?

* *
*

Съ другой стороны, государство нерѣдко смѣшиваютъ съ правительствомъ. И такъ какъ государство не мыслимо безъ правительства, то иногда говорятъ, что слѣдуетъ стремиться къ уничтоженію правительства, а не къ уничтоженію государства

Мнѣ кажется, однако, что государство и правительство представляютъ собою опять-таки два разнородныхъ понятія. Понятіе о государствѣ обнимаетъ собою не только существованіе власти надъ обществомъ, но и сосредоточеніе управленія мѣстною жизнью въ одномъ центрѣ, т. е. территоріальную концентрацію, а также сосредоточеніе многихъ или даже всѣхъ отправленій общественной жизни въ рукахъ немногихъ. Оно предполагаетъ возникновеніе совершенно новыхъ отношеній между различными членами общества.

Это характерное различіе, ускользающее на первый взглядъ, ясно выступаетъ при изученіи происхожденія государства. И для того, чтобы понять, что такое государство, есть только одинъ способъ это прослѣдить его историческое развитіе.

* *
*

Древняя Римская Имперія была государствомъ въ точномъ смыслѣ слова. До сихъ поръ она остается идеаломъ всѣхъ законниковъ. Ея органы, какъ сѣтью, покрывали ея обширныя владѣнія. Все сосредоточивалось въ Римѣ: экономическая жизнь, военное управленіе, юридическія отношенія, богатства, образованность и даже религія. Изъ Рима шли законы, судьи, легіоны для защиты территоріи, губернаторы для управленія провинціями, боги. Вся жизнь имперіи восходила къ Сенату, а позднѣе—къ кеса-

рю, всемогущему, всевѣдующему богу имперіи. Въ каждой провинціи, въ каждомъ округѣ былъ свой Капитолій въ миніатюрѣ, своя частица римскаго самодержавія, отъ которой вся мѣстная жизнь получала свое направленіе. Единый законъ, законъ установленный Римомъ, управлялъ имперіей; и эта имперія была не союзомъ гражданъ, а сборищемъ подданныхъ.

Юристы и государственники, даже и въ наше время, восхищаются единствомъ этой имперіи, единымъ духомъ ея законовъ, красотой—говорятъ они—и гармоніей ея организаціи.

И, несмотря на это, внутреннее разложеніе съ одной стороны, и вторженіе варваровъ, съ другой,—т. е. смерть мѣстной жизни, потерявшей способность противостоять нападенію извнѣ, а также испорченность въ самомъ народѣ, распространявшаяся отъ центра,—привели къ распаденію имперіи, на развалинахъ которой зародилась и развилась новая цивилизація,—наша цивилизація.

Если, оставляя въ сторонѣ древнюю исторію Востока, мы обратимся къ изученію происхожденія и роста этой молодой варварской цивилизаціи вплоть до періода, когда она породила, въ свою очередь, наши современныя государства, то сущность государства станетъ намъ совершенно ясной, яснѣе даже, чѣмъ еслибы мы погрузились въ изученіе Римской имперіи, Македонскаго царства и деспотическихъ монархій Востока.

II.

Большинство философовъ прошлаго столѣтія объясняло происхожденіе человѣческихъ обществъ очень просто.

Вначалѣ, говорили они, люди жили маленькими семьями, и постоянная вражда между этими семьями была обычнымъ, нормальнымъ состояніемъ. Но въ одинъ прекрасный день, люди, убѣдившись въ неудобствахъ этой безконечной борьбы, рѣшили образовать общество. Разъединенныя семьи согласились между собою, заключили общественный договоръ и добровольно подчини-

лись власти, которая—со школьной скамьи насъ такъ учили—сдѣлалась отнынѣ источникомъ и началомъ всяческаго прогресса въ человѣчествѣ. Наши теперешнія правительства и до сего дня олицетворяютъ эту благороднѣйшую роль соли земли, роль умиротворителей и цивилизаторовъ рода человѣческаго. Такъ значится, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ учебникахъ и даже во многихъ философскихъ трактатахъ.

Возникнувши въ эпоху, когда о происхожденіи человѣка было извѣстно еще очень мало, эта теорія господствовала впродолженіи всего прошлаго столѣтія. И мы должны признать, что въ рукахъ энциклопедистовъ и Руссо, идея „общественнаго договора“ была могучимъ орудіемъ въ борьбѣ съ божественнымъ правомъ королей. Но тѣмъ не менѣе, какія бы услуги эта теорія ни оказала въ прошедшемъ, въ настоящее время она должна быть признана ошибочной и отвергнута.

На самомъ дѣлѣ, всѣ животныя, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ хищниковъ и нѣкоторыхъ вымирающихъ видовъ, живутъ обществами. Въ борьбѣ за существованіе виды животныхъ, живущихъ обществами, имѣютъ всегда преимущество передъ необщественными видами. Въ каждомъ классѣ животныхъ они занимаютъ вершину лѣстницы, и теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что первыя человѣкоподобныя существа уже жили обществами. Общество не было выдумано человѣкомъ; оно существовало раньше появленія первыхъ человѣкоподобныхъ существъ.

* *
*

Мы также знаемъ теперь—антропологія вполнѣ доказала это,—что исходнымъ пунктомъ для человѣчества послужила не обособленныя семья, а родъ или племя. Патріархальная семья въ томъ видѣ, какъ она существуетъ у насъ, или какъ мы находимъ ее въ древне-еврейскихъ преданіяхъ, явилась уже гораздо позднѣе. Раньше этого, десятки тысячъ лѣтъ люди жили родами или племенами, и

въ теченіе этого первоначальнаго періода—будемъ, если угодно, называть его періодомъ дикихъ или первобытныхъ племенъ – у человѣчества выработался уже цѣлый рядъ учрежденій, обычаевъ или общественныхъ привычекъ, задолго предшедствовавшихъ учрежденіямъ патріархальной семьи.

Въ первобытномъ племени обособленной семьи не существовало точно также, какъ ея не существуетъ среди многихъ другихъ млекопитающихъ, живущихъ обществами. Племя дѣлилось скорѣе по поколѣніямъ, и съ самыхъ дальнихъ временъ, теряющихся въ темной глубинѣ до-исторіи человѣческаго рода, возникали ограниченія, не доцускавшія брачныхъ союзовъ между мужчинами и женщинами разныхъ поколѣній и дозволявшія ихъ только внутри одного и того же поколѣнія. Слѣды этого періода можно еще и теперь встрѣтить среди нѣкоторыхъ племенъ, а также ихъ находятъ въ языкахъ, нравахъ и суевѣріяхъ народовъ, стоящихъ даже на гораздо болѣе высокомъ уровнѣ развитія.

Племя сообща охотилось и собирало служившія въ пищу растенія, а затѣмъ, утоливъ свой голодъ, дикари, со страстью предавались своимъ драматическимъ танцамъ. До сихъ поръ мы находимъ на окраинахъ нашихъ материковъ и въ наименѣе доступныхъ горныхъ областяхъ племена, недалеко ушедшія отъ этой первобытной ступени.

Накопленіе частной собственности въ этотъ періодъ было невозможно, потому что все, принадлежавшее лично отдѣльному члену племени, послѣ его смерти сжигалось или уничтожалось вмѣстѣ съ трупомъ. Это до сихъ поръ практикуется, даже въ Англіи, среди цыганъ; слѣды же этого обычая мы находимъ въ похоронныхъ церемоніяхъ у всѣхъ такъ-называемыхъ цивилизованныхъ народовъ: китайцы сжигаютъ сдѣланныя изъ бумаги изображенія тѣхъ вещей, которыми владѣлъ умершій, а у насъ за умершимъ военнымъ ведутъ его коня и несутъ его шпагу и ордена. Смыслъ этихъ обычаевъ утраченъ; сохранилась одна форма.

* *
*

Эти первобытные люди не только не презирали человѣческой жизни, а напротивъ того, испытывали отвращеніе къ убійству и кровопролитію. Пролить кровь—и не только кровь человѣка, но даже нѣкоторыхъ животныхъ, напримѣръ медвѣдя,—считалось такимъ большимъ преступленіемъ, что за каждую каплю пролитой крови виновный въ этомъ долженъ былъ поплатиться соотвѣтственнымъ количествомъ своей крови.

Убійство члена своего племени было, такимъ образомъ, дѣломъ совершенно неизвѣстнымъ; мы видимъ это теперь, напр., у инуитовъ или экскимосовъ, которые представляютъ собою остатки людей каменнаго вѣка, еще до сихъ поръ уцѣлѣвшіе въ полярныхъ областяхъ. Но когда племянамъ, различнымъ по происхожденію, по цвѣту и по языку, случалось, во время своихъ странствій, сталкиваться между собою, между ними дѣйствительно нерѣдко происходили войны. Правда, что уже въ тѣ времена люди старались по возможности смягчить эти столкновенія, какъ показали изслѣдованія Мэна, Поста, Ниса и др.; уже и тогда обычай начиналъ вырабатывать то, изъ чего впослѣдствіи должно было возникнуть международное право. Такъ, напримѣръ, нельзя было нападать на деревню, не предупредивши объ этомъ ея жителей; также никто никогда не смѣлъ убивать на тропинкахъ, по которымъ женщины ходили за водой. А при заключеніи мира, у нѣкоторыхъ племенъ, излишекъ убитыхъ у одной изъ сторонъ вознаграждался соотвѣтственной платой съ другой.

Одно общее начало господствовало тогда надъ всѣми остальными: „Ваши убили или ранили одного изъ нашихъ, поэтому мы вправѣ убить одного изъ вашихъ, или нанести ему совершенно такую же рану“ – все равно кому, потому что за всякій поступокъ каждаго изъ своихъ членовъ отвѣчало все племя. Извѣстное библейское изрѣченіе— „кровь за кровь, око за око, зубъ за зубъ, рану за рану

и жизнь за жизнь“ („но отнюдь не болѣе“, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Кенигсвартеръ), произошло отъ этого же обычая, Таково было понятіе этихъ людей о справедливости, и намъ нечего особенно гордиться передъ ними: принципъ—„жизнь за жизнь“, до сихъ поръ еще царящій въ нашихъ уголовныхъ законахъ,—ничто иное, какъ одно изъ многочисленныхъ переживаній.

Такимъ образомъ, уже въ этотъ первобытный періодъ выработался цѣлый рядъ общественныхъ учрежденій (многія изъ нихъ я оставляю въ сторонѣ), и сложилось цѣлое уложеніе (конечно устное) племенной нравственности. И для поддержанія этого ядра общественныхъ привычекъ достаточно было силы обычая, привычки и преданія: никакой другой власти не существовало.

У первобытныхъ людей были, конечо, свои временные вожди. Колдуны и призыватели дождя—иначе, ученые того времени—старались воспользоваться своимъ дѣйствительнымъ или кажущимся знаніемъ природы для того, чтобы управлять своими соплеменниками. Точно также пріобрѣтали вліяніе и силу и тѣ, кто лучше другихъ запоминалъ поговорки и пѣсни, въ которыхъ воплощалось преданіе. Уже тогда „знающіе“ старались удержать за собой право на управленіе людьми, не передавая своихъ знаній никому, кромѣ избранныхъ, Всѣ религіи, и даже всѣ искусства и всѣ ремесла, были, какъ мы знаемъ, вначалѣ окружены различными „таинствами“.

Такимъ же образомъ, во время столкновеній между племенами и во время переселеній, наиболѣе храбрый, смѣлый, а въ особенности наиболѣе хитрый, естественно становился временнымъ вождемъ. Но союза между хранителемъ „закона“, военнымъ вождемъ и колдуномъ тогда еще не было, и потому о существованіи среди этихъ первобытныхъ племенъ государства такъ же не можетъ быть рѣчи, какъ о существованіи его въ обществахъ пчелъ и муравьевъ, или у современныхъ намъ патагонцевъ и эскимосовъ.

А между тѣмъ, въ этомъ состояніи люди жили многія тысячи лѣтъ; его пережили и варвары, разорившіе Римскую имперію: въ то время они только что выходили изъ него.

Въ первые вѣка нашего лѣтосчисленія, среди племенъ и союзовъ племенъ, населявшихъ среднюю и сѣверную Азію, произошло громадное передвиженіе. Цѣлые потоки народовъ, тѣснимые болѣе или менѣе образованными сосѣдями, шли съ азіатскихъ плоскогорій—откуда ихъ гнало, вѣроятно, быстрое высыханіе рѣкъ и озеръ—устремляясь въ равнины, на западъ, на Европу, тѣсня другъ друга, смѣшиваясь и переплетаясь другъ съ другомъ.

Во время этихъ передвиженій, когда столько племенъ, различныхъ по происхожденію и по языку, смѣшались между собою, тотъ первобытный племенной бытъ, который существовалъ тогда у большинства дикихъ туземцевъ Европы, неизбѣжно долженъ былъ распасться. Первобытный племенной союзъ былъ основанъ на общности происхожденія, на поклоненіи общимъ предкамъ. Но какая же могла быть общность происхожденія между группами, образовавшимися въ хаосѣ переселеній, въ войнахъ между различными племенами, причемъ среди нѣкоторыхъ племенъ кое-гдѣ зарождалась уже патріархальная семья, образовавшаяся благодаря захвату нѣсколькими лицами женщинъ, отнятыхъ или похищенныхъ у сосѣднихъ племенъ.

Старыя связи были порваны, и, чтобы избѣгнуть совершенной гибели (участь, которая въ дѣйствительности и постигла многія племена, съ того времени совершенно изчезнувшія для исторіи), приходилось создавать новыя связи. И онѣ возникли. Ихъ нашли въ общинномъ владѣніи з е м л е й, т. е. тою областью, на которой каждое племя наконецъ осѣло.

Владѣніе сообща извѣстной областью, той или другой долиной, тѣми или другими холмами сдѣлалось основаніемъ новаго соглашенія. Боги-предки потеряли всякое значеніе; ихъ мѣсто заняли новые, мѣстные боги долинъ, рѣкъ и

лѣсовъ, которые и дали религіозное освященіе новымъ союзамъ. Позднѣе христіанство, всегда готовое приноравливаться къ остаткамъ язычества, создало изъ нихъ мѣстныхъ святыхъ.

Съ этихъ поръ сельская община, состоящая вполнѣ или отчасти изъ обособленныхъ семей, соединенныхъ однако-же общимъ владѣніемъ землей, сдѣлалась на всѣ послѣдующіе вѣка необходимымъ связующимъ основаніемъ народнаго союза. На громадныхъ пространствахъ восточной Европы, Азіи и Африки сельская община существуетъ и до-сихъ поръ. Подъ такимъ же строемъ жили и варвары, разрушившіе Римскую имперію,—германцы, скандинавцы, славяне и т. д. И благодаря изученію варварскихъ законовъ, а также обычаевъ и законовъ, господствующихъ среди современныхъ намъ союзовъ сельскихъ общинъ у кабиловъ, монголовъ, индусовъ, африканцевъ и другихъ народовъ, стало возможнымъ возстановить во всей ея полнотѣ ту форму общества, которая послужила исходной точкой нашей современной цивилизаціи.

Всмотримся же поближе въ эти учрежденія.

III.

Сельская община состояла въ прежнія времена—какъ состоитъ и теперь—изъ отдѣльныхъ семей, которыя однако же въ каждой деревнѣ владѣли землею сообща. Онѣ смотрѣли на нее; какъ на общее наслѣдіе и распредѣляли ее между собою, смотря по величинѣ семей, по ихъ нуждамъ и силамъ. Сотни милліоновъ людей и до-сихъ поръ еще живутъ при такомъ порядкѣ въ Восточной Европѣ, въ Индіи, на Явѣ и въ другихъ мѣстахъ. Такимъ же образомъ устроились и въ наше время русскіе крестьяне, когда государство предоставило имъ свободу населять, какъ они хотятъ, огромныя пространства Сибири.

Вначалѣ обработка земли также происходила сообща,—и во многихъ мѣстахъ этотъ обычай сохранился еще до сихъ поръ,—по крайней мѣрѣ при обработкѣ нѣкоторыхъ участковъ общинной земли. Точно также свозка лѣса и расчистка чащъ, постройка укрѣпленій или „городковъ“ или башенъ, которыя служили убѣжищемъ въ случаѣ нашествія—все это дѣлалось сообща, какъ и до сихъ поръ еще дѣлается сотнями милліоновъ крестьянъ тамъ, гдѣ сельской общинѣ удалось устоять противъ вторженія государства. Но, выражаясь современнымъ языкомъ, „потребленіе“ происходило посемейно,—каждая семья имѣла свой скотъ, свой огородъ и свои запасы, такъ что могла уже накоплять и передавать накопленное по наслѣдству. Во всѣхъ дѣлахъ міръ имѣлъ верховную власть. Мѣстный обычай былъ закономъ; а общее собраніе всѣхъ главъ семействъ—мужчинъ и женщинъ—было судьей, и притомъ единственнымъ судьей, и по гражданскимъ, и по уголовнымъ дѣламъ. Обиженному общиннику достаточно было воткнуть свой ножъ въ землю на томъ мѣстѣ, гдѣ міръ обыкновенно собирался, и міръ былъ обязанъ „постановить приговоръ“ на основаніи мѣстнаго обычая послѣ того, какъ свидѣтели обѣихъ сторонъ установятъ подъ присягой фактъ обиды.

* *
*

Трудно было бы изложить здѣсь все то, что представляетъ интереснаго эта ступень развитія общественности. Достаточно сказать, что всѣ учрежденія, которыми различныя государства впослѣдствіи воспользовались въ интересахъ меньшинства, всѣ понятія о правѣ, которыя мы находимъ въ нашихъ законахъ (искаженныя къ выгодѣ опять таки меньшинства), и всѣ формы судебной процедуры, насколько онѣ охраняютъ личность, получили свое начало въ общинномъ бытѣ. Такъ что, когда мы воображаемъ, что сдѣлали большой шагъ впередъ, вводя у себя, напримѣръ, судъ присяжныхъ,—мы, въ дѣйствительности, только возвращаемся къ учрежденію варваровъ, претерпѣвшему

рядъ измѣненій въ пользу правящихъ классовъ. Римское право было ничѣмъ инымъ, какъ надстройкою надъ правомъ обычнымъ.

Одновременно съ этимъ, благодаря обширнымъ добровольнымъ союзамъ сельскихъ общинъ, развивалось и сознаніе ихъ національнаго единства.

* *
*

Основанная на общемъ владѣніи землю, а нерѣдко и на общей ея обработкѣ, обладающая верховной властью, и судебною, и законодательною на основаніи обычнаго права —сельская община удовлетворяла большей части общественныхъ потребностей своихъ членовъ.

Но не всѣ нужды были удовлетворены; оставались еще такія, которымъ нужно было искать удовлетворенія. Но духъ того времени былъ таковъ, что человѣкъ не обращался къ правительству, какъ только возникаетъ какая нибудь новая потребность, а самъ бралъ починъ и создавалъ по соглашенію съ другими союзъ, общество, большихъ или малыхъ размѣровъ, многочисленное или малочисленное, чтобы удовлетворить эту вновь-народившуюся потребность. И дѣйствительно, общество того времени было буквально покрыто сѣтью клятвенныхъ братствъ, союзовъ для взаимопомощи, задругъ,—какъ внутри сельской общины, такъ и внѣ ея, въ союзѣ общинъ. Мы можемъ наблюдать эту ступень развитія и проявленіе этого духа даже теперь, среди тѣхъ варваровъ, союзы которыхъ не были поглощены государствами, сложившимися по римскому, или вѣрнѣе, по византійскому типу. Такъ, у кабиловъ, напримѣръ, довольно хорошо сохранилась сельская община со всѣми только что упомянутыми ея отправленіями. Но у человѣка существуетъ потребность распространить свою дѣятельность и за тѣсные предѣлы своей деревни. Одни отправляются странствовать по свѣту, въ поискахъ за приключеніями, въ качествѣ купцовъ; другіе берутся за то или другое ремесло, за то или другое искусство. Такъ вотъ, тѣ

и другіе, купцы и ремесленники соединяются между собою въ „братства“, даже если они принадлежатъ къ различнымъ деревнямъ, племенамъ или союзамъ общинъ. Союзъ необходимъ имъ для взаимной защиты въ далекихъ странствованіяхъ, для передачи другъ другу секретовъ ремесла—и они соединяются. Они приносятъ клятву въ братствѣ и дѣйствительно практикуютъ его—на удивленіе европейцамъ—на дѣлѣ, а не только на словахъ.

Помимо этого, съ кѣмъ бѣды не случается? Обыкновенно тихій и спокойный человѣкъ, быть можетъ, завтра въ какой-нибудь дракѣ переступитъ границы, положенныя правилами приличія и общежитія, нанесетъ кому нибудь раны или увѣчье. А въ такомъ случаѣ придется уплатить раненному или обиженному очень тяжелое вознагражденіе; обидчикъ долженъ будетъ защищаться передъ деревенскимъ судомъ и возстановить истину при помощи свидѣтельствующихъ подъ присягой шести, десяти или двѣнадцати „соприсягателей“, Это—еще одна причина, почему ему важно вступить въ какое-нибудь братство.

Мало того, у людей является потребность потолковать о политикѣ, можетъ быть даже поинтриговать, потребность распространять то или иное нравственное убѣжденіе, тотъ или другой обычай. Наконецъ, внѣшній миръ также требуетъ охраны: приходится заключать союзы съ сосѣдними племенами, устраивать обширныя федераціи, распространять понятія между-племенного права... И вотъ, для удовлетворенія всѣхъ этихъ нравственныхъ и умственныхъ потребностей, кабилы, монголы, малайцы и проч. не обращаются ни къ-какому правительству,—да у нихъ его и нѣтъ; они—люди обычнаго права и личнаго почина, не испорченные на все готовыми правительствомъ и церковью. Они поэтому соединяются прямо; они образуютъ братства, политическія и религіозныя общества, союзы ремеслъ—гильдіи, какъ ихъ называли въ средніе вѣка въ Европѣ, или с о ф ы, какъ ихъ называютъ теперь кабилы. И эти с о ф ы выходятъ далеко за предѣлы своей деревни; они распространяются въ

въ далекихъ пустыняхъ и чужеземныхъ городахъ; и въ этихъ союзахъ дѣйствительно практикуется братство. Отказать въ помощи члену своего софа, даже́ еслибы для этого пришлось рискнуть всѣмъ своимъ имуществомъ и самою жизнью,—значить стать измѣнникомъ „братству“, съ такимъ человѣкомъ обращаются какъ съ убіицей „брата“.

* *
*

То, что мы находимъ теперь среди кабиловъ, монголовъ, малайцевъ и т. д., было существенной нертой общественной жизни такъ-называемыхъ варваровъ въ Европѣ, отъ пятаго до двѣнадцатаго вѣка. Подъ именемъ гильдій, задругъ, университетовъ (universitas) и т. п. повсюду существовало множество союзовъ для самыхъ разнообразныхъ цѣлей: для взаимной защиты и для совмѣстнаго наказанія обидчика: для замѣны мести „око за око“ вознагражденіемъ за обиду, послѣ чего обидчикъ обыкновенно принимался въ братство; для совмѣстной работы въ своемъ ремеслѣ, для взаимной помощи во время болѣзни. для защиты территоріи, для сопротивленія нарождавшейся внѣшней власти, для торговли, для поддержанія добраго сосѣдства, для распространенія тѣхъ или или другихъ идей—однимъ словомъ, для всего того, зачѣмъ современный европеецъ, воспитавшійся на завѣтахъ кесарьскаго и папскаго Рима, обыкновенно обращается къ государству. Очень сомнительно даже, можно ли было въ тѣ времена найти хоть одного человѣка — свободнаго или крѣпостного,—за исключеніемъ, конечно, изгнанныхъ изъ братствъ—изгоевъ,—который не принадлежалъ бы къ какимъ нибудь союзамъ или гильдіямъ, помимо своей общины. Въ скандинавскихъ сагахъ воспѣваются дѣла этихъ братствъ: „безпредѣльная вѣрность побратимовъ“ составляетъ предметъ лучшихъ изъ этихъ эпическихъ пѣсенъ, между тѣмъ какъ церковь и нарождающаяся королевская власть, представительницы вновь всплывшаго Византійскаго или Римскаго Закона, обрушиваются на нихъ своими проклятіями

и указами, которые къ счастью остаются мертвой буквой.

Вся исторія того времени теряетъ свой смыслъ и дѣлается совершенно не понятной, если не принимать въ разсчетъ этихъ союзовъ братьевъ и сестеръ, которые возникали повсюду для удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ нуждъ, какъ экономической, такъ и духовной жизни человѣка.

* * *

Чтобы понять громадный шагъ впередъ, сдѣланный во время существованія этихъ двухъ учрежденій—сельской общины и свободныхъ братствъ—внѣ всякаго вліянія со стороны Рима, христіанства, или государства—достаточно сравнить Европу, какою она была во время нашествія варваровъ, съ тѣмъ, чѣмъ она стала въ десятомъ или одинадцатомъ вѣкѣ.

За эти пятьсотъ или шестьсотъ лѣтъ человѣкъ успѣлъ покорить дѣвственные лѣса и заселить ихъ; страна покрылась деревнями, окруженными полями и изгородями, и выходящимися подъ защитой укрѣпленныхъ городковъ; между ними, черезъ лѣса и болота, проложены тропы. Въ этихъ деревняхъ мы находимъ уже зачатки различныхъ ремеслъ и цѣлую сѣть учрежденій для поддержанія внутренняго и внѣшняго мира. За убійство или нанесеніе ранъ сельчане уже не мстятъ убійствомъ обидчика или кого внбудь изъ его родныхъ, или нанесеніемъ имъ соотвѣтственныхъ ранъ, какъ это дѣлалось въ былыя времена. Бывшіе дружинники—бояре и дворяне—еще держатся этого устарѣлаго правила (и въ этомъ причина ихъ безконечныхъ войнъ), но у крестьянъ уже вошло въ обычай платить вознагражденіе за обиду, послѣ чего миръ возстановляется, и обидчикъ, если не всегда, то въ большинствѣ случаевъ, принимается въ семью обиженнаго.

Во всѣхъ спорахъ и тяжбахъ мы находимъ здѣсь третейскій судъ, какъ глубоко укоренившееся учрежденіе, вполнѣ вошедшее въ ежедневный обиходъ, наперекоръ епископамъ и нарождающимся князьямъ, которые требуютъ,

чтобы каждая тяжба разбиралась ими или ихъ ставленниками, чтобы имѣть такимъ образомъ возможность взимать въ свою пользу ту пеню, которую міръ налагалъ на нарушителей общественнаго спокойствія.

Наконецъ, сотни селъ объединяются уже въ могучіе союзы—зачатки будущихъ европейскихъ націй,—которые клятвою обязуются поддерживать внутренній міръ, считаютъ занимаемую ими землю общимъ наслѣдіемъ и заключаютъ между собою договоры для взаимной защиты. Такіе союзы мы встрѣчаемъ еще и до сихъ поръ у монгольскихъ, тюрко-финскихъ и малайскихъ племенъ.

* *
*

Тѣмъ не менѣе черныя точки мало по малу начинаютъ собираться на горизонтѣ. Рядомъ съ этими союзами возникаютъ другіе союзы — союзы правящаго меньшинства, которые пытаются превратить этихъ свободныхъ людей въ крѣпостныхъ, въ подданныхъ. Римъ погибъ, но его преданія оживаютъ; съ другой стороны и христіанская „церковь“, мечтающая о восточныхъ всемогущихъ церковныхъ государствахъ, охотно оказываетъ свою поддержку нарождающейся гражданской и военной власти.

Человѣкъ далеко не такой кровожадный звѣрь, какимъ его обыкновенно представляютъ, чтобы доказать необходимость господства надъ ними; онъ наоборотъ, всегда любилъ спокойствіе и миръ. Иногда онъ, можетъ быть, и не прочь подраться, но онъ не кровожаденъ по природѣ и во всѣ времена предпочиталъ скотоводство и обработку земли военнымъ похожденіямъ. Вотъ почему, какъ только крупныя передвиженія варваровъ начали ослабѣвать, какъ только толпы пришельцевъ осѣли болѣе или менѣе на занятыхъ ими земляхъ, мы видимъ, что забота о защитѣ страны отъ новыхъ пришельцевъ и воителей поручается одному человѣку, который набираетъ себѣ небольшую дружину изъ искателей приключеній, привыкшихъ къ войнамъ, или прямо разбойниковъ, тогда какъ остальная масса народа занимается разведеніемъ скота или обработкой земли.

Затѣмъ, мало по малу, „защитникъ“ начинаетъ уже накоплять богатства: бѣдному дружиннику онъ даетъ лошадь и оружіе (стоившее тогда очень дорого) и такимъ образомъ порабощаетъ его; онъ пріобрѣтаетъ первые зачатки власти. Съ другой стороны, большинство начинаетъ забывать преданія, служившія ему закономъ; пережитка лишь какой нибудь старикъ, удержавшій въ памяти тѣ разсказы о прежнихъ случаяхъ рѣшенія, изъ которыхъ складывается обычное право, поетъ о нихъ пѣсни или разсказываетъ былины народу во время большихъ общинныхъ праздниковъ. Тогда, мало по малу, обособляются семьи, которыя дѣлаютъ какъ бы своимъ ремесломъ, переходящимъ отъ отца къ сыну, запоминаніе этихъ стиховъ и пѣсенъ, т. е. сохраненіе „закона“ во всей его чистотѣ. Къ нимъ обращаются сельчане за разрѣшеніемъ запутанныхъ споровъ и тяжбъ, особенно, когда двѣ деревни или два союза деревень отказываются признать рѣшеніе третейскихъ судей, выбранныхъ изъ ихъ среды.

Въ этихъ семьяхъ гнѣздятся уже зачатки княжеской или королевской власти, и чѣмъ больше изучаешь учрежденія того времени, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ томъ, что знаніе обычнаго права способствоволо больше пріобрѣтенію этой власти, чѣмъ сила оружія. Люди дали себя покорить гораздо больше изъ за желанія „наказать“ обидчика „по закону“, чѣмъ вслѣдствіе прямого покоренія оружіемъ.

Такимъ образомъ создается первое „объединеніе властей“—первое общество для взаимнаго обезпеченія совмѣстнаго господства—то-есть союзъ между судьей и военноначальникомъ, какъ сила враждебная сельской общинѣ. Обѣ эти должности соединяются въ одномъ лицѣ, которое окружаетъ себя вооруженными людьми, чтобы приводить въ исполненіе судебные приговоры, укрѣпляется въ своей крѣпости, начинаетъ накоплять и сохранять за своей семьей богатства того времени, т. е. хлѣбъ, скотъ, оружіе и, мало по малу, утверждаетъ свое господство надъ сосѣдними крестьянами. Ученые люди того времени, т. е. зна-

хари, волхвы и попы, оказываютъ ему поддержку и получаютъ свою долю власти; присоединяя силу меча къ грозному могуществу колдуна, они пытаются утвердить власть за собой.

Не одна книжка, а цѣлый рядъ книгъ потребовалось бы на то, чтобы изложить подробно этотъ въ высшей степени важный предметъ и разсказать, какъ должно, почему свободные люди превратились постепенно въ крѣпостныхъ, обязанныхъ работать на своихъ свѣтскихъ или духовныхъ господъ; какъ понемногу и какъ бы ощупью создавалась власть надъ деревнями и городами; какъ соединялись и возставали крестьяне, пытаясь бороться противъ этого растущаго господства, и какъ они были побѣждаемы въ борьбѣ противъ крѣпкихъ стѣнъ замковъ, и противъ охраняющихъ ихъ. съ головы до ногъ вооруженныхъ людей.

Довольно будетъ сказать, что около одинадцатого вѣка Европа видимо шла по пути къ образованію варварскихъ монархій, подобныхъ тѣмъ, какія мы находимъ теперь, напр., въ Африкѣ, или церковныхъ государстъ (теократій), въ родѣ тѣхъ, которыя встрѣчаются въ исторіи Востока. Это не могло, конечно, произойти сразу; но во всякомъ случаѣ, зачатки такихъ мелкихъ деспотическихъ королевствъ и теократій уже были на лицо, и имъ оставалось только развиваться все больше и больше...

Къ счастью, однако, тотъ «варварскій» духъ скандинавовъ, саксовъ, кельтовъ, германцевъ и славянъ, который въ теченіе семи или восьми вѣковъ заставлялъ ихъ искать удовлетворенія своихъ нуждъ путемъ свободнаго соглашенія, братствъ и гильдій,—еще жилъ въ деревняхъ, городахъ и мѣстечкахъ. Варвары, правда, позволили поработить себя и уже работали ва господъ, но духъ свободнаго почина и свободнаго соглашенія еще не былъ въ нихъ убитъ. Ихъ союзы оказались въ высшей степени живучими, а крестовые походы только способствовали ихъ пробужденію и развитію въ западной Европѣ.

И вотъ, въ двѣнадцатомъ столѣтіи по всей Европѣ вспыхиваетъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ возстаніе городскихъ общинъ, задолго до того подготовленное этимъ федеративнымъ духомъ и выросшее на почвѣ соединенія ремесленныхъ гильдій съ сельскими общинами.

Это возстаніе, которое большая часть оффиціальныхъ историковъ предпочитаетъ замалчивать, спасло Европу отъ грозившей ей опастности.. Оно остановило развитіе теократическихъ и деспотическихъ монархій, въ которыхъ наша цивилизація, вѣроятно, погибла бы послѣ нѣсколькихъ вѣковъ пышнаго показнаго могущества, какъ погибли цивилизаціи Месопотаміи, Ассиріи и Вавилона. Этой революціей началась новая полоса жизни—полоса свободныхъ городскихъ общинъ.

IV.

Не удивительно, что современные историки, воспитанные въ духѣ римскаго права и привыкшіе смотрѣть на Римъ, какъ на источникъ всѣхъ учрежденій, не могутъ понять духа коммуналистическаго движенія двѣнадцатаго вѣка. Это смѣлое признаніе правъ личности и образованіе общества путемъ свободнаго соединенія людей въ деревни, города и союзы—было рѣшительнымъ отрицаніемъ того духа единства и централизаціи, которымъ отличался древній Римъ, и которымъ проникнуты всѣ историческія представленія современной оффиціальной науки.

Возстаніе двѣнадцатаго столѣтія нельзя приписать ни какой нибудь выдающейся личности ,ни какому нибудь центральному учрежденію. Оно представляетъ собою естественное явленіе роста человѣчества, подобное родовому строю и деревенской общинѣ; оно принадлежитъ не какому нибудь одному народу или какой нибудь области, а извѣстной ступени человѣческаго развитія.

Вотъ почему оффціальная наука не можетъ понять смысла этого движенія, и почему во Франціи Огюстенъ

Тьерри и Сисмонди, оба писавшіе въ началѣ 19-го столѣтія и дѣйствительно понимавшіе этотъ періодъ, до настоящаго времени не имѣли послѣдователей. Теперь только Люшеръ попытался—и то очень не смѣло, слѣдовать по пути, указанному великимъ историкомъ меровингскаго и коммуналистическаго періода (Ог. Тьери). Потому же и въ Германіи изслѣдованія этого періода и смутное пониманіе его духа только теперь выдвигаются впередъ. Въ Англіи, вѣрную оцѣнку этихъ вѣковъ можно найти только у поэта Уильяма Мориса, а не у историковъ, за исключеніемъ развѣ Грина, который только подъ конецъ своей жизни началъ понимать его. Въ Россіи же, гдѣ, какъ извѣстно, вліяніе римскаго права менѣе глубоко, Бѣляевъ, Костомаровъ, Сергѣевичъ и нѣкоторые другіе превосходно поняли двухъ вѣчевого періода.

* *
*

Средневѣковая община составилась, съ одной стороны, изъ сельской общины, а съ другой, изъ множества союзовъ и гильдій, существовавшихъ внѣ территоріальныхъ границъ. Она образовалась изъ федераціи этихъ двухъ родовъ союзовъ, подъ защитой городскихъ стѣнъ и башенъ.

Во многихъ мѣстахъ она явилась какъ результатъ медленнаго роста. Въ другихъ же—какъ во всей западной Европѣ—она была результатомъ революціи. Когда жители того или другого мѣстечка чувствовали себя въ достаточной безопасности за своими стѣнами, они составляли „со-присягательство“ (con-Juration). Члены его клялись забыть всѣ прежнія дѣла объ обидахъ, дракахъ или увѣчіяхъ, а въ будущемъ не прибѣгать, въ случаѣ ссоры, ни къ какому другому судьѣ, кромѣ выбранныхъ ими самими гильдейскихъ или городскихъ синдиковъ.

Во всякомъ ремесленномъ союзѣ, во всякой гильдіи добрыхъ сосѣдей, во всякой задругѣ этотъ обычай существовалъ издавна. Тоже было и въ сельской общинѣ, пока

епископу или князю не удалось ввести въ нее, а впослѣдствіи навязать силою, своихъ судей. Теперь всѣ слободы и приходы, вошедшіе въ составъ города, вмѣстѣ съ братствами и гильдіями, создавшимися въ немъ, составляли amitás („дружбу"), выбирали своихъ судей и клялись быть вѣрными возникшему постоянному союзу между всѣми этими группами.

Наскоро составлялась и принималась хартія. Иногда посылали для образца за хартіей въ какой нибудь сосѣдній городъ (мы знаемъ теперь сотни такихъ хартій) — и новая община была создана. Епископу или князю, которые до сихъ поръ вершили судъ среди общинниковъ и часто дѣлались ихъ господами,—теперь осталось только признать совершившійся фактъ или же бороться противъ молодого союза оружіемъ. Нерѣдко король, т. е. такой князь, который старался добиться главенства надъ другими князьями, и казна котораго была всегда пуста, „жаловалъ" хартію за деньги. Онъ отказывался этимъ отъ назначенія общинѣ с в о е г о судьи, но вмѣстѣ съ тѣмъ возвышался, пріобрѣталъ больше значенія передъ другими феодальными баронами, какъ покровитель такихъ-то городовъ. Но это далеко не было общимъ правиломъ: сотни вольныхъ городовъ жили безъ всякаго другого права, кромѣ собственной воли, подъ защитой своихъ стѣнъ и копій.

* *
*

Въ теченіе одного столѣтія это движеніе распространилось (нужно замѣтить, путемъ подражанія) съ замѣчательнымъ единодушіемъ по всей Европѣ. Оно охватило Шотландію, Францію, Нидерланды, Скандинавію, Германію, Италію, Испанію, Польшу и Россію, и когда мы сравниваемъ теперь хартіи и внутреннее устройство вольныхъ городовъ французскихъ, англійскихъ, шотландскихъ, ирландскихъ, скандинавскихъ, германскихъ, богемскихъ, русскихъ, швейцарскихъ, итальянскихъ или испанскихъ—насъ поражаетъ почти буквальное сходство этихъ хартій и респуб-

ликъ, выросшихъ подъ сѣнію такого рода общественныхъ договоровъ. Какой знаменательный урокъ всѣмъ поклонникамъ Рима и гегельянцамъ, которые не могутъ себѣ представить другого способа достигнуть однообразія учрежденій, кромѣ рабства передъ закономъ!

Отъ Атлантическаго океана до Волги и отъ Норвегіи до Италіи, вся Европа была покрыта подобными же вольными городами, изъ которыхъ одни, какъ Флоренція, Венеція, Нюренбергъ или Новгородъ, сдѣлались многолюдными центрами, другіе же оставались небольшими городами, состоявшими всего изъ сотни семействъ, причемъ они всетаки считались равными въ глазахъ другихъ болѣе цвѣтущихъ городовъ.

Развитіе этихъ, полныхъ жизни и силы, организмовъ шло, конечно, не вездѣ однимъ и тѣмъ же путемъ. Географическое положеніе и характеръ внѣшнихъ торговыхъ сношеній, препятствія, которыя приходилось преодолѣвать,—все это создавало для каждой изъ этихъ общинъ свою исторію. Но въ основѣ всѣхъ ихъ лежалъ одинъ и тотъ же принципъ. Какъ Псковъ въ Россіи, такъ и Брюгге въ Нидерландахъ, какъ какое нибудь шотландское мѣстечко съ тремя стами жителей, такъ и цвѣтущая Венеція со своими людными островами, какъ любой городокъ въ сѣверной Франціи или Польшѣ, такъ и красавица Флоренція—всѣ они составляли тѣ же amitas, тѣ же союзы сельскихъ общинъ и соединенныхъ гильдій. Въ общихъ чертахъ, ихъ внутреннее устройство было вездѣ одно и то же.

* *
*

По мѣрѣ роста городского населенія стѣны города раздвигались, становились толще, и къ нимъ прибавлялись новыя и все болѣе высокія башни; каждая изъ этихъ башенъ воздвигалась тѣмъ или другимъ кварталомъ города, той или другой гильдіей и носила свой особый характеръ. Городъ дѣлился обыкновенно на нѣсколько кварталовъ или концовъ,—четыре, пять или шесть, ограниченныхъ

улицами, которые расходились по радіусамъ отъ центральнаго кремля къ стѣнамъ. Эти концы или кварталы были обыкновенно заселены, каждый особымъ ремесломъ или мастерствомъ; новыя ремесла,—молодые цехи,—занимали слободы, которыя со временемъ также вносились въ черту города и городскихъ стѣнъ.

Каждая улица и приходъ представляютъ особую земельную единицу, соотвѣтствующую старинной сельской общинѣ; они имѣютъ своего уличанскаго или приходскаго старосту, свое уличанское вѣче, свое судилище, своего избраннаго священника, свою милицію, свое знамя и часто свою печать—символъ государственной независимости. Эту независимость они сохраняютъ и при вступленіи въ союзъ съ другими улицами и приходами.

Профессіональной единицей, часто совпадающей или почти совпадающей съ улицей или приходомъ, является гильдія—ремесленный союзъ. Этотъ союзъ точно также сохраняетъ своихъ святыхъ, свои уставы, свое вѣче, своихъ судей. У него своя касса, свое ополченіе, свое знамя. Онъ точно также имѣетъ свою печать и сохраняетъ полную независимость. Въ случаѣ войны, если гильдія сочтетъ нужнымъ, ея милиція пойдетъ рядомъ съ милиціями другихъ гильдій, и ея знамя будетъ водружено рядомъ съ большимъ знаменемъ, или carosse своего рода.

Городъ представляетъ собою союзъ этихъ концовъ, улицъ, приходовъ и гильдій; онъ имѣетъ свое обще-народное собраніе всѣхъ жителей въ главномъ вѣчѣ, свою главную ратушу, выборныхъ судей и свое знамя, вокругъ котораго собираются знамена всѣхъ гильдій и улицъ. Онъ вступаетъ въ переговоры съ другими городами, какъ вполнѣ полноправная единица, соединяется съ кѣмъ ему угодно и заключаетъ съ кѣмъ хочетъ національные и международные союзы. Такъ, англійскіе „Cinq Perts“, расположенные около Дувра, образуютъ союзъ съ французскими и нидерланскими портовыми городами по другую сторону пролива; точно также русскій Новгородъ соединяется съ

скандинаво-германской Ганзой и т. д. Во внѣшнихъ сношеніяхъ каждый городъ имѣетъ всѣ права современнаго государства. Именно въ это время и создается, благодаря добровольному соглашенію, та сѣть договоровъ, которая потомъ стала извѣстная подъ именемъ международнаго права; эти договоры находились подъ охраной общественнаго мнѣнія всѣхъ городовъ и соблюдались лучше, чѣмъ теперь соблюдается международное право.

Часто, въ случаѣ неумѣнья рѣшить какой нибудь запутанный споръ, городъ обращался за рѣшеніемъ къ сосѣднему городу. Духъ того времени—стремленіе обращаться скорѣе къ третейскому суду, чѣмъ къ власти—безпрестанно проявлялся въ такомъ обращеніи двухъ спорящихъ общинъ къ третьей.

* * *

То же видимъ мы и у ремесленныхъ союзовъ. Они ведутъ свои торговыя сношенія совершенно независимо отъ городовъ, вступаютъ въ договоры помимо всякихъ національныхъ дѣленій. И когда мы теперь гордимся международными конгрессами рабочихъ, мы въ своемъ невѣжествѣ совершенно забываемъ, что международные съѣзды ремесленниковъ и даже подмастерьевъ собирались уже въ пятнадцатомъ столѣтіи.

Въ случаѣ нападенія, средневѣковый городъ или защищается самъ, ведетъ ожесточенныя войны съ окрестными феодальными баронами, ежегодно назначая одного или двухъ человѣкъ для команды надъ своими милиціями; или же онъ принимаетъ особаго „военнаго защитника“—какого нибудь князя или герцога, избираемаго городомъ на одинъ годъ и съ правомъ отставки, когда городъ найдетъ нужнымъ. На содержаніе дружины ему обыкновенно даютъ деньги, собираемыя въ видѣ судебныхъ взысканій и штрафовъ; но вмѣшиваться во внутреннія дѣла города онъ не имѣетъ права. Иногда, когда городъ слишкомъ слабъ, чтобы вполнѣ освободиться отъ окружающихъ его феодальныхъ хищниковъ, онъ обращается, какъ къ болѣе

или менѣе постоянному „военному защитнику“, къ епископу или князю той или другой фамиліи—Гвельфовъ или Гибелиновъ въ Италіи, Рюриковичей въ Россіи, или Ольгердовичей—въ Литвѣ; но при этомъ городъ зорко слѣдитъ, чтобы власть епископа или князя никоимъ образомъ не распространялась дальше дружинниковъ, живущихъ въ замкѣ. Ему даже запрещается входить въ городъ безъ особаго разрѣшенія. Извѣстно, что англійская королева и до сихъ поръ не можетъ въѣхать въ Лондонъ безъ разрѣшенія лордъ-мэра, т. е. городского головы.

* *
*

Мнѣ очень хотѣлось бы подробно остановиться на экономической сторонѣ жизни средневѣковыхъ городовъ, но она была такъ разнообразна, что о ней нужно было бы говорить довольно долго, чтобы дать о ней вѣрное понятіе. Достаточно будетъ замѣтить, что внутренняя торговля всегда велась гильдіями, а не отдѣльными ремесленниками, и что цѣны назначались по взаимному соглашенію. Внѣшняя же торговля велась вначалѣ исключительно самими городами: ее ведетъ Господинъ Великій Новгородъ, Генуя и т. д.; и только впослѣдствіи она сдѣлалась монополіей купеческихъ гильдій, а еще позднѣе отдѣльныхъ личностей. По воскресеньямъ и по субботамъ послѣ обѣда (это считалось временемъ для бани) никто не работалъ. Закупкой главныхъ предметовъ необходимыхъ потребностей, какъ хлѣбъ, уголь и т. п. завѣдывалъ городъ, который потомъ и доставлялъ ихъ своимъ жителямъ, по своей цѣнѣ. Въ Швейцаріи закупка зерна цѣлымъ городомъ сохранялась до средины 19-го столѣтія.

Вообще мы можемъ сказать на основаніи множества всевозможныхъ историческихъ документовъ, что человѣчество ни прежде, ни послѣ этого періода никогда не знало такого сравнительнаго благосостоянія, обезпеченнаго для всѣхъ, какимъ пользовались средневѣковые города. Теперешняя нищета, неувѣренность въ будущемъ и чрезмѣр-

ный трудъ въ средневѣковомъ городѣ были совершенно неизвѣстны.

Благодаря всѣмъ этимъ элементамъ —свободѣ, организаціи отъ простого къ сложному, тому, что производство и внутренній обмѣнъ велись ремесленными союзами (гильдіями), а внѣшній обмѣнъ и закупка главныхъ предметовъ потребленія производились самимъ городомъ, — средневѣковые города, въ теченіе первыхъ двухъ столѣтій своего существованія, сдѣлались центрами богатства, высокаго развитія и образованности.

Когда справляешься съ документами, дающими возможность установить размѣръ заработной платы, сравнительно со стоимостью предметовъ потребленія (Т. Роджерсъ сдѣлалъ это для Англіи, многіе нѣмецкіе писатели — для Германіи), то ясно видно, что трудъ ремесленника и даже простого подсѣщика того времени оплачивался лучше, чѣмъ оплачивается въ наше время трудъ наиболѣе искуснаго рабочаго. Счетныя книги Оксфордскаго университета и нѣкоторыхъ имѣній въ Англіи, а также нѣкоторыхъ нѣмецкихъ и швейцарскихъ городовъ, ясно доказываютъ это.

Съ другой стороны обратите вниманіе на художественную отдѣлку, на количество орнаментовъ, которыми работникъ того времени украшалъ не только настоящія произведенія искусства, какъ, напримѣръ, городскую ратушу или соборъ, но даже самую простую домашнюю утварь, какую нибудь рѣшетку, какой нибудь подсвѣчникъ, чашку или горшокъ,—и вы сейчасъ же поймете, что онъ не зналъ ни торопливости, ни спѣшности, ни переутомленія нашего времени; онъ могъ ковать, лѣпить, ткать, вышивать, не спѣша, что теперь могутъ дѣлать лишь очень немногіе работники — артисты. Если же мы взглянемъ на работы, дѣлавшіяся рабочими безплатно, для украшенія церквей и общественныхъ зданій, принадлежавшихъ приходамъ, гильдіямъ или всему городу, а также на ихъ приношенія этимъ

зланіямъ,—будь то произведенія искусства, какъ художественныя панели, скульптурныя произведенія, издѣлія изъ кованнаго желѣза, чугуна или даже серебра,—или же простая работа столяра или каменщика, то мы сразу увидимъ, какого благосостоянія сумѣли достигнуть тогдашніе города. Мы увидимъ также на всемъ, что бы ни дѣлалось въ то время, отпечатокъ духа изобрѣтательности и исканіе новаго, духъ свободы, вдохновляющій весь ихъ трудъ, чувство братской солидарности, которая развивалась въ гильдіяхъ, гдѣ люди объединялись не только ради практическихъ нуждъ своего ремесла, но и связаны были узами братства и общественности. Гильдейскими правилами предписывалось, напримѣръ, чтобы два „брата“ всегда присутствовали у постели „брата“ въ случаѣ болѣзни—что въ тѣ времена чумы и повальныхъ заразъ требовало не мало самоотверженія; въ случаѣ же смерти, гильдія брала на себя всѣ хлопоты и расходы по похоронамъ умершаго, брата или сестры, и считала своимъ долгомъ проводить до могилы его тѣло и позаботиться объ его вдовѣ и дѣтяхъ.

Ни отчаянной нищеты, ни подавленности, ни неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, которыя висятъ надъ большинствомъ населенія современныхъ городовъ, въ этихъ „оазисахъ, возникшихъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ среди феодальныхъ лѣсовъ“— совершенно не было извѣстно.

* *
*

Подъ защитой своихъ вольностей, выросшихъ на почвѣ свободнаго соглашенія и свободнаго почина, въ этихъ городахъ возникла и развилась новая цивилизація съ такою быстротой, что ничего подобнаго этой быстротѣ въ исторіи не встрѣчается ни раньше, ни позже.

Вся современная промышленность ведетъ свое начало отъ этихъ городовъ. Въ теченіе трехъ столѣтій ремесла и искусства достигли въ нихъ такого совершенства, что нашъ вѣкъ превзошелъ ихъ развѣ только въ быстротѣ производства, рѣдко—въ качествѣ и почти никогда въ художест-

венности издѣлій. Несмотря на всѣ наши усилія оживить искусство, развѣ мы можемъ сравняться въ живописи по красотѣ съ Рафаэлемъ? по силѣ и смѣлости—съ Микель Анджело? въ наукѣ и искусствѣ—съ Леонардо да Винчи? въ поэзіи и красотѣ языка—съ Данте? или въ архитектурѣ—съ творцами соборовъ въ Лаонѣ, Реймсѣ, Кельнѣ, которыхъ „строителями“, по выраженію Виктора Гюго, „былъ самъ народъ“? И гдѣ найти такія сокровища красоты, какъ во Флоренціи и Венеціи, какъ ратуши въ Бременѣ и Прагѣ, какъ башни Нюренберга и Пизы и т. д. до безконечности? Всѣ эти памятники искусства—творенія этого періода вольныхъ городовъ.

Если вы хотите смѣрить однимъ взглядомъ все, что было внесено новаго этою цивилизаціею, сравните куполъ собора Св. Марка въ Венеціи съ неумѣлыми норманскими сводами, или картины Рафаэля съ наивными вышивками и коврами Байе, нюренбергскіе математическіе и физическіе инструменты и часы съ песочными часами предыдущихъ столѣтій; звучный языкъ Данте—съ варварской латынью десятаго вѣка... Между этими двумя эпохами выросъ цѣлый новый міръ.

* *
*

За исключеніемъ еще одной славной эпохи—опять такихъ эпохъ вольныхъ городовъ въ древней Греціи—человѣчество никогда еще не шло такъ быстро впередъ, какъ въ этотъ періодъ. Никогда еще человѣкъ въ теченіи двухъ или трехъ вѣковъ не переживалъ такого глубокаго измѣненія; никогда еще ему не удавалось развить до такой степени свое могущество надъ силами природы.

Вы, можетъ быть, подумаете о нашей современной цивилизаціи, успѣхами которой мы такъ гордимся? Но она, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, есть лишь дитя той цивилизаціи, которая выросла среди вольныхъ средневѣковыхъ городовъ. Всѣ великія открытія, создавшія современную науку, какъ компасъ, часы, печатный станокъ; открытіе новыхъ частей свѣта, порохъ, законъ тяготѣнія,

законъ атмосфернаго давленія, явилась паровая машина, обсованія химіи, научный методъ указанный Роджеромъ Бэкономъ и прилагавшійся въ итальянскихъ университетахъ—что все это, какъ не наслѣдіе той цивилизаціи вольныхъ городовъ, которая развилась въ нихъ подъ охраной общинныхъ вольностей.

* * *

Мнѣ, можетъ быть скажутъ, что я забываю внутреннюю борьбу партій, которой полна исторія этихъ общинъ; забываю уличныя схватки, отчаяную борьбу съ феодальными владѣльцами, возстанія „молодыхъ ремеслъ“ противъ „старыхъ ремеслъ“, кровопролитія и репрессаліи этой борьбы...

Нѣтъ, я вовсе не забываю этого. Но вмѣстѣ съ Лео и Ботта, двумя историками средневѣковой Италіи, съ Сисмонди, съ Феррари, Джино Каппони и многими другими, я вижу именно въ этихъ столкновеніяхъ партій залогъ вольной жизни этихъ городовъ. Я вижу, какъ послѣ изъ такихъ столкновеній, жизнь города дѣлала новый и новый шагъ впередъ. Лео и Ботта заканчиваютъ свой подробный обзоръ этихъ кровавыхъ уличныхъ столкновеній, происходившихъ въ средневѣковыхъ итальянскихъ городахъ, и совершавшагося одновременно съ ними громаднаго движенія впередъ (обезпеченіе благосостоянія для всѣхъ жителей, возрожденіе новой цивилизаціи) слѣдующею очень вѣрною мыслью, которую каждый революціонеръ нашего времени долженъ былъ бы запомнить: „Коммуна только тогда и представляетъ, говорятъ они, картину нравственнаго цѣлаго, только тогда и носитъ общественный характеръ, к о г д а о н а, подобно самому человѣческому уму, д о п у с к а е т ъ в ъ с в о е й с р е д ѣ п р о т и в о р ѣ ч і я и с т о л к н о в е н і я“.

Да, столкновенія, но разрѣшающіяся свободно, безъ вмѣшательства какой-то внѣшней силы, безъ вмѣшательства государства, давящаго своею громадною тяжестью на одну изъ чашекъ вѣсовъ, въ пользу той или другой изъ борющихся силъ.

Подобно этимъ двумъ писателямъ, я также думаю, что „навязываніе“ мира часто причиняетъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы, потому что такимъ образомъ противоположныя вещи насильно связываются, ради установленія однообразнаго порядка; отдѣльныя личности и мелкіе организмы приносятся въ жертву одному “огромному, поглощающему ихъ тѣлу—безцвѣтному и безжизненному“.

Вотъ почему вольные города до тѣхъ поръ, пока они не стремились сдѣлаться государствами и распространять свое господство надъ деревнями и пригородами, т. е. создать „огромное тѣло, безцвѣтное и безжизненное,“—росли и выходили изъ этихъ внутреннихъ столкновеній съ каждымъ разомъ моложе и сильнѣе. Они процвѣтали, хотя на ихъ улицахъ гремѣло оружіе, тогда какъ, двѣсти лѣтъ спустя, та же самая цивилизація рушилась подъ шумъ войнъ, которыя стали вести между собою государства.

Дѣло въ томъ, что въ вольныхъ городахъ борьба шла для завоеванія и сохраненія свободы личности, за принципъ федераціи, за право свободнаго союза и совмѣстнаго дѣйствія; тогда какъ государства воевали изъ за подавленія личности, за уничтоженіе свободнаго соглашенія, за объединеніе всѣхъ своихъ подданныхъ въ одномъ общемъ рабствѣ, передъ королемъ, судьей и попомъ, т. е. передъ государствомъ.

Въ этомъ вся и разница. Есть борьба, есть столкновенія, которыя убиваютъ, и есть такія, которыя двигаютъ человѣчество впередъ.

VI.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ явились новые, современные варвары и разрушили всю эту цивилизацію среневѣковыхъ вольныхъ городовъ. Имъ, конечно, не удалось уничтожить ее совершенно, но во свякомъ случаѣ, они задержали ея ростъ по крайней мѣрѣ на два или на три столѣтія, и дали ей другое направленіе.

Они сковали по рукамъ и ногамъ личность, отняли у нея всѣ вольности; они потребовали, чтобы люди забыли свои союзы, строившіеся на свободномъ починѣ и свободномъ соглашеніи, чтобы все общество подчинилось рѣшительно во всемъ единому повелителю. Всѣ непосредственныя связи между людьми были разрушены на томъ основаніи, что только государству и церкви должно принадлежать право объединять людей, что только онѣ призваны вѣдать промышленные, торговые, правовые, художественные, общественные и личные интересы, ради которыхъ люди двѣнадцатаго вѣка обыкновенно соединялись между собою непосредственно.

И кто же были эти варвары?—Никто иной, какъ государство—вновь возникшій тройственный союзъ между военнымъ вождемъ, судьей (наслѣдникомъ римскихъ традицій) и священникомъ, тремя силами, соединившимися ради взаимнаго обезпеченія своего господства и образовавшими единую власть, которая стала повелѣвать обществомъ и, въ концѣ концовъ, раздавила его.

* *
*

Естественно является вопросъ, какимъ образомъ эти новые варвары могли одолѣть такіе могущественные организмы, какъ средневѣковые вольные города? Откуда почерпнули они силу для этого?

Эту силу, прежде всего дала имъ деревня. Какъ древнегреческіе города не сумѣли освободить рабовъ, такъ и средневѣковые города, освобождая горожанъ, не сумѣли въ то же время освободить отъ крѣпостного рабства крестьянъ.

Правда, во время освобожденія городовъ горожане, сами соединявшіе ремесло съ земледѣліемъ, почти вездѣ пытались привлечь деревенское населеніе къ дѣлу своего освобожденія. Въ теченіе двухъ столѣтій горожане Италіи, Испаніи и Германіи вели упорную войну съ феодальными баронамм и проявили въ этой борьбѣ чудеса героизма и

настойчивости. Они отдавали послѣднія силы на то, чтобы побѣдить господскіе замки и разрушить окружавшій ихъ феодальный строй.

Но успѣхъ, котораго они достигли, былъ неполный, и утомившись борьбой, они заключили съ баронами миръ, въ которомъ пожертвовали интересами крестьянъ. Внѣ предѣловъ той территоріи, которую города отбили для себя, они предали крестьянина въ руки барона—только для того, чтобы прекратить войну. Въ Италіи и Германіи города даже признали барона гражданиномъ, съ условіемъ чтобы онъ жилъ въ самомъ городѣ. Въ другихъ мѣстахъ они раздѣляли съ нимъ господство надъ крестьянами, и горожане сами стали владѣть крѣпостными.

И за то-же бароны отомстили горожанамъ; которыхъ они, и презирали, и ненавидѣли. Они начали заливать кровью улицы городовъ, изъ за вражды и мести между своими дворянскими родами, которые не отдавали, конечно, своихъ раздоровъ на судъ презирамыхъ ими общинныхъ судей и городскихъ синдиковъ, а предпочитали разрѣшать ихъ на улицахъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Кромѣ того, дворяне стали развращать горожанъ своею расточительностью, своими интригами, своей роскошной жизнью, своимъ образованіемъ, полученнымъ при королевскихъ или египетскихъ дворахъ. Они втягивали гражданъ въ свои безконечные ссоры. И граждане, въ концѣ концовъ, начали подражать дворянамъ; они сдѣлались въ свою очередь господами и стали обогащаться на счетъ труда крѣпостныхъ, живущихъ въ деревняхъ, внѣ городскихъ стѣнъ.

При такихъ условіяхъ, короли, императоры, цари и папы нашли поддержку въ крестьянствѣ, когда они начали собирать свои царства и подчинять себѣ города. Тамъ гдѣ крестьяне не шли прямо за ними, они во всякомъ случаѣ предоставляли имъ дѣлать, что хотятъ. Они не защищали городовъ.

* *
*

Королевская власть постепенно складывалась именно въ деревнѣ, въ укрѣпленномъ замкѣ, окруженномъ сельскимъ населеніемъ. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ она существовала лишь по имени; мы знаемъ теперь, что такое были тѣ предводители мелкихъ разбойничьихъ шаекъ, которые присвоили себѣ титулъ королей не имѣвшій—какъ доказалъ Огюстенъ Тьерри—тогда почти никакого значенія. Скандинавскіе рыбаки имѣли своихъ „королей надъ неводомъ". даже у нищихъ были свои „короли": король, князь, конунгъ былъ просто временнымъ предводителемъ.

Медленно и постепенно, то тутъ, то тамъ какому нибудь болѣе сильному или болѣе хитрому князю удавалось возвыситься надъ остальными. Церковь, конечно, была всегда готова поддержать его. Путемъ насилія, интригъ, подкупа, а гдѣ нужно, и кинжала и яда, онъ достигалъ господства надъ другими феодалами. Такъ складывалось, между прочимъ, московское царство. Но мѣстомъ возникновенія королевской власти никогда не были вольные города съ ихъ шумнымъ вѣчемъ, съ ихъ Тарпейской скалой или Волховомъ для тирановъ; эта власть всегда зарождалась въ провинціи, въ деревняхъ.

Во Франціи, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ основаться въ Реймсѣ или Ліонѣ, она избрала для этого Парижъ, который былъ собраніемъ деревень и маленькихъ городковъ, окруженныхъ богатыми деревнями, но гдѣ не было вольнаго вѣчеваго города. Въ Англіи королевская власть основалась въ Вестминстерѣ—у воротъ многолюднаго Лондона; въ Россіи—въ Кремлѣ, построенномъ среди богатыхъ деревень на берегу Москвы рѣки, послѣ неудачныхъ попытокъ въ Суздалѣ и Владимірѣ; но она никогда не могла укрѣпиться въ Новгородѣ или во Псковѣ, въ Нюрнбергѣ или во Флоренціи.

Сосѣдніе крестьяне снабжали королей зерномъ, лошадьми и людьми; кромѣ того, эти нарождающіеся тираны обогащались торговлей—уже не общинной, а королевской. Церковь окружала ихъ своими заботами, защищала ихъ, поддерживала ихъ своей казной, наконецъ изобрѣтала для королевскаго города особаго святого и особыя чудеса. Она

окружала благоговѣніемъ Парижскую Богоматерь или Московскую Иверскую. Въ то время, какъ вольные города, освободившись изъ подъ власти епископовъ, съ юношескимъ пыломъ стремились впередъ, Церковь медленно работала надъ возстановленіемъ своей власти черезъ посредство нарождающихся королей; она окружала въ особенности нѣжными заботами, фиміамомъ и золотомъ фамильную колыбель того, кого она въ концѣ концовъ избирала, чтобы въ союзѣ съ нимъ возстановить свою силу и вліяніе. Повсюду—въ Парижѣ, въ Москвѣ, въ Мадридѣ, въ Вестминстерѣ, мы видимъ, какъ Церковь заботливо охраняетъ колыбель королевской или царской власти.

Сильная своимъ образованіемъ въ государственномъ духѣ, опираясь въ своей дѣятельности на людей съ сильной волей и хитрымъ умомъ, которыхъ она умѣло отыскивала во всѣхъ классахъ общества, искушенная опытомъ въ интригахъ и свѣдущая въ Римскомъ и Византійскомъ законахъ, Церковь упорно работаетъ надъ достиженіемъ своего идеала—утвержденіемъ сильнаго короля въ библейскомъ духѣ, т. е. неограниченнаго въ своей власти, но послушнаго вліянію верховнаго первосвященника,—короля, который былъ бы простымъ гражданскимъ орудіемъ въ рукахъ Церкви.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ совмѣстная работа этихъ двухъ заговорщиковъ—короля и церкви—была въ полномъ ходу. Король уже господствовалъ надъ своими соперниками баронами, и его рука уже была занесена надъ вольными городами, чтобы раздавить въ свою очередь и ихъ.

* *
*

Впрочемъ, и города шестнадцаго столѣтія были уже не тѣмъ, чѣмъ мы ихъ видѣли въ двѣнадцатомъ, тринадцатомъ, и четырнадцатомъ. Родились они изъ освободительной революціи двѣнадцатаго вѣка; но у нихъ не доставало смѣлости распространить свои идеи равенства ни на окружающее населеніе, ни даже на тѣхъ горожанъ, которые позднѣе поселились въ чертѣ городскихъ стѣнъ. какъ въ убѣжищѣ свободы, и которые создавали тамъ новыя

ремесла. Во всѣхъ городахъ явилось различіе между с т а р ы м и родами, сдѣлавшими революцію двѣнадцатаго вѣка—иначе просто „родами“—и молодыми, которые поселились въ городахъ позднѣе. Старая „Торговая Гильдія“ не выказала желанія принимать въ свою среду новыхъ пришельцевъ и отказывалась допустить къ участію въ своей торговлѣ "молодыя ремесла". Изъ простого торговаго агента города, который прежде продавалъ товары за счетъ города, она превратилась въ маклера и посредника, богатѣвшаго на счетъ внѣшней торговли и вносившаго въ городскую жизнь восточную пышность. Позднѣе, „торговая гильдія“ соединяется съ землевладѣльцами и духовенствомъ, или же ищетъ опоры для своей монополіи, для своего права на обогащеніе, въ ближайшемъ королѣ. Переставши быть о б щ и н н о й и сдѣлавшись л и ч н о й, торговля наконецъ убиваетъ вольный городъ.

Кромѣ того, старыя ремесленныя гильдіи, которыя вначалѣ составляли городъ и его вѣче, не хотятъ признавать за гильдіями болѣе молодыхъ ремеслъ тѣхъ же правъ, какими пользуются сами. Молодымъ ремесламъ приходится добиваться равноправія путемъ революціи. Революція, дѣйствительно, происходитъ повсюду, въ каждомъ изъ городовъ, котораго исторія намъ извѣстна.

Но если, въ большинствѣ случаевъ, она ведетъ къ обновленію всей жизни, всѣхъ ремеслъ и искусствъ—что очень ясно замѣтно во Флоренціи—то въ другихъ городахъ она иногда кончается побѣдой б о г а т ы х ъ (popolo grasso) надъ б ѣ д н ы м и (popolo basso), подавленіемъ движенія, безчисленными ссылками и казнями, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ борьбу вмѣшиваются бароны и духовенство.

Нечего и говорить, что впослѣдствіи, когда короли, прошедшіе черезъ школу маккіавелизма, стали вмѣшиваться во внутреннюю жизнь вольныхъ городовъ, они избрали предлогомъ для вмѣшательства „защиту бѣдныхъ отъ притѣсненія богатыхъ“, То, что происходило въ Россіи, когда Московскіе великіе князья, а впослѣдствіи цари, шли

покорять Новгородъ и Псковъ, подъ предлогомъ защиты „черныхъ сотенъ“ и „мелкихъ людишекъ“ отъ богатыхъ, случилось также повсемѣстно, въ Германіи, во Франціи, въ Италіи, въ Испаніи и т. д.

* * *

Кромѣ того, города должны были погибнуть еще потому, что самыя понятія людей измѣнились. Ученія каноническаго и римскаго закона совершенно извратили ихъ умы.

Епископецъ двѣнадцатаго столѣтія былъ по существу федералистомъ. Онъ стоялъ за свободный починъ, за свободное соглашеніе, за добровольный союзъ и видѣлъ въ собственной личности исходный пунктъ общества. Онъ не искалъ спасенія въ повиновеніи, не ждалъ пришествія спасителя общества. Понятіе христіанской или римской дисциплины было ему совершенно чуждо.

Но подъ вліяніемъ, съ одной стороны, христіанской церкви, всегда стремящейся къ господству, всегда старающейся наложить свою власть на души, и въ особенности на трудъ вѣрующихъ; а съ другой, подъ вліяніемъ римскаго права, которое, уже начиная съ двѣнадцатаго вѣка, проникаетъ ко дворамъ сильныхъ бароновъ, королей и папъ, и скоро дѣлается любимымъ предметомъ изученія въ университетахъ—подъ вліяніемъ этихъ двухъ, такъ хорошо отвѣчающихъ другъ другу, хотя и враждовавшихъ вначалѣ ученій—умы людей постепенно развращаются, по мѣрѣ того какъ попъ и юристъ пріобрѣтаютъ больше и больше вліянія.

Человѣкъ начинаетъ любить власть. Если въ городѣ происходитъ возстаніе низшихъ ремеслъ, онъ зоветъ къ себѣ на помощь какого нибудь спасителя, выбираетъ диктатора, или городского царька, и надѣляетъ его неограниченной властью для уничтоженія противной партіи. И диктаторъ пользуется ею со всей утонченной жестокостью, заимствованной отъ церкви и отъ восточныхъ деспотій

Церковь оказываетъ ему поддержку: вѣдь ея мечта именно библейскій король, преклоняющій колѣна передъ

первосвященникомъ и становящійся его послушнымъ орудіемъ! Кромѣ того, она ненавидитъ всѣми силами души и тотъ духъ раціонализма, который царствовалъ въ вольныхъ городахъ въ эпоху перваго возрожденія—т. е. возрожденія двѣнадцатаго вѣка — и тѣ „языческія“ идеи, которыя звали человѣка назадъ къ природѣ подъ вліяніемъ вновь открытой древне-греческой цивилизаціи, и, наконецъ, то теченіе, которое, во имя первобытнаго христіанства, привело позднѣе къ возстанію противъ папы, духовенства и церкви вообще. Костеръ, пытки и висѣлица—излюбленное оружіе церкви—были пущены въ ходъ противъ еретиковъ. Для церкви въ этомъ случаѣ было безразлично, кто бы ни былъ ея орудіемъ—папа, король или диктаторъ,—лишь бы костеръ, дабы и висѣлица дѣлали свое дѣло противъ еретиковъ...

Подъ давленіемъ этихъ двухъ вліяній—римскаго юриста и попа—старый федералистскій духъ, духъ свободнаго почина и свободнаго соглашенія, вымиралъ и уступалъ мѣсто духу дисциплины, духу правительственной и пирамидальной организаціи. И богатые классы, и народъ одинаково требовали спасителя себѣ извнѣ.

И когда этотъ спаситель явился, когда король, разбогатѣвшій вдали отъ шумнаго городского вѣча, въ имъ самимъ созданныхъ городахъ, и окруженный подчиненными ему дворянами и крестьянами, постучался въ городскія ворота съ обѣщаніемъ „бѣднымъ“ своей мощной защиты отъ богатыхъ, а „богатымъ“—защиты отъ мятежныхъ бѣдныхъ, города, уже носившіе въ себѣ самихъ ядъ власти, не были въ силахъ ему сопротивляться. Они отперли королю свои ворота.

Кромѣ того, уже съ тринадцатаго вѣка, монголы покоряли и опустошали Восточную Европу, и теперь въ Москвѣ возникло, подъ вліяніемъ татарскихъ хановъ и православной церкви, новое царство. Затѣмъ турки вторгнулись въ Европу и основали свое государство, опустошая все на своемъ пути и дойдя въ 1453 году до самой Вѣны. И, чтобы дать имъ отпоръ, въ Польшѣ, въ Богеміи, въ Венгріи въ центрѣ Европы—возникали сильныя государ-

ства... Въ то же время на другомъ концѣ Европы, въ Испаніи, изгнаніе мавровъ дало возможность основаться въ Кастиліи и Арагонѣ новой могущественной державѣ, опиравшейся на Римскую церковь и инквизицію, на мечъ и застѣнокъ.

Эти набѣги и войны вели неизбѣжно къ вступленію Европы въ новый періодъ жизни—въ періодъ военныхъ государствъ, которыя стремились „объединить", т. е. подчинить всѣ другіе города одному королевскому, или великокняжескому городу. А разъ сами города превращались уже въ мелкія государства, то послѣднія были неизбѣжно обречены на поглощеніе крупными.

VII.

Побѣда государства надъ вольными общинами и федералистическими учрежденіями среднихъ вѣковъ не совершилась, однако, безпрепятственно. Было даже время, когда можно было сомнѣваться въ его окончательной побѣдѣ.

Въ городахъ и обширныхъ сельскихъ областяхъ, въ средней Европѣ, возникло народное движеніе—религіозное по своей формѣ и внѣшнимъ проявленіямъ, но чисто коммунистическое и проникнутое стремленіемъ къ равенству по своему содержанію.

Еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ мы видимъ два такихъ крестьянскихъ движенія: во Франціи (около 1358 года) и въ Англіи (около 1381 года); первое извѣстно въ исторіи подъ названіемъ жакерій, а второе носитъ имя одного изъ своихъ крестьянскихъ вождей—Уата Тэйлора. Оба они потрясли тогдашнее общество до основанія. Оба были направлены, впрочемъ, главнымъ образомъ, противъ феодальныхъ помѣщиковъ. И хотя оба были разбиты, но въ Англіи это народное возстаніе рѣшительно положило конецъ крѣпостному праву; а во Франціи жакерія настолько остановила его развитіе, что дальнѣйшее его существованіе было скорѣе прозябаніемъ, и оно никогда не могло

достигнуть такого развитія, какого достигло впослѣдствіи въ Германіи и восточной Европѣ.

И вотъ, въ шестнадцатомъ вѣкѣ подобное же движеніе вспыхнуло и въ центральной Европѣ, подъ именемъ движенія „гусситовъ“ въ Богеміи, „анабаптистовъ“ въ Германіи, Швейцаріи и Нидерландахъ. Сродное ему движеніе, извѣстное подъ именемъ „смутнаго времени“, совершилось въ Россіи, въ началѣ семнадцатаго вѣка. Въ западной Европѣ это было возстаніе, не только противъ феодальныхъ барономъ и помѣщиковъ, но и возстаніе противъ церкви и государства; противъ каноническаго и римскаго права во имя первобытнаго христіанства.

Въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ смыслъ этого движенія совершенно искажался казенными и церковными историками—и только теперь его въ нѣкоторой степени начинаютъ понимать.

Лозунгами этого движенія были, съ одной стороны, полная свобода личности, не обязанной повиноваться ничему, кромѣ предписанію своей совѣсти, съ другой—коммунизмъ. И только уже гораздо позднѣе, когда государству и церкви удалось истребить самыхъ горячихъ защитниковъ движенія, а самое движеніе ловко повернуть въ свою пользу, оно лишилось своего революціоннаго характера и выродилось въ реформацію Лютера.

Началось оно съ проповѣди, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и съ практическаго примѣненія безгосударственнаго анархизма,—къ сожалѣнію, однако, съ примѣсью религіозныхъ формъ. Но если откинуть религіозныя формулы, составлявшія неизбѣжную дань тому времени, то мы увидимъ, что это движеніе по существу подходитъ къ тому идейному теченію, представителями котораго являемся мы: мы находимъ въ немъ отрицаніе всякаго закона, какъ государственнаго, такъ и божественнаго, на томъ основаніи, что собственная совѣсть должна быть единственнымъ закономъ для человѣка; защиту общины, какъ единственной распорядительницы своей судьбы, которая должна отобрать свои земли отъ феодальныхъ владѣльцевъ и перестать нести какую бы то ни было, денежную или личную,

службу государству—однимъ словомъ, стремленіе осуществить на практикѣ коммунизмъ и равенство. Когда, напримѣръ, Денка, одного изъ философовъ анабаптическаго движенія, опросили, признаетъ ли онъ авторитетъ библіи, онъ отвѣтилъ, что единственно обязательными для поведенія человѣка онъ признаетъ только тѣ правила, которыя онъ самъ находитъ для себя въ библіи. — Но эти самыя неопредѣленныя формулы, заимствованныя изъ церковнаго языка,—этотъ самый авторитетъ „книги“, въ которой легко найти доводы за и противъ коммунизма и власти, эта особая неясность въ вопросѣ о рѣшительномъ провозглашеніи свободы, эта самая религіозная окраска движенія уже заключала въ себѣ зародыши пораженія его.

Возникши въ городахъ, движеніе скоро распространилось и на деревни. Крестьяне отказывались повиноваться кому бы то ни было и, надѣвши старый сапогъ или лапоть на копье, вмѣсто знамени, отбирали у помѣщиковъ захваченныя ими общинныя земли, разрывали цѣпи крѣпостного рабства, прогоняли поповъ и судей и организовывались въ вольныя общины. И только при помощи костра, пытки и висѣлицы, только вырѣзавши въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ больше 100,000 крестьянъ, королевской или императорской власти удалось при поддержкѣ папства и реформированной церкви—Лютеръ толкалъ на убійства даже больше, чѣмъ самъ папа—положить конецъ этимъ возстаніямъ, которыя, одно время угрожали самому существованію зарождавшихся государствъ.

Лютеранская реформація, сама родившаяся изъ анабаптизма, помогала истребленію народа и подавленію того самаго движенія, которому она была обязана, въ началѣ своего существованія, всей своей силой. Остатки этого громаднаго умственнаго теченія укрылись въ общинахъ „моравскихъ братствъ“, которыя въ свою очередь были раздавлены церковью и государствомъ. И только небольшія уцѣлѣвшія группы ихъ спаслись, переселившись, кто въ юго-восточную Россію, кто въ Гренландію, гдѣ они и до сихъ поръ еще живутъ общинами и отказываются нести какую бы то ни было службу государству.

Съ этихъ поръ существованіе государства было обезпечено. Юристъ, попъ, помѣщикъ и солдатъ, сомкнувшись въ дружный союзъ вокругъ трона, могли теперь снова продолжать свою гибельную работу.

И сколько лжи было нагромождено историками объ этомъ періодѣ! Всѣхъ насъ учили въ школѣ, что государство сослужило человѣчеству огромную службу, создавши національные союзы на развалинахъ феодальнаго общества; что такіе союзы оказывались прежде неосуществимыми, вслѣдствіе соперничества городовъ. Мы всѣ учились этому въ школьные годы и почти всѣ вѣрили этому и въ зрѣломъ возрастѣ.

И тѣмъ не менѣе теперь мы узнаемъ, что, несмотря на все свое соперничество, средне-вѣковые города въ теченіе четырехъ сотъ лѣтъ работали надъ сплоченіемъ этихъ союзовъ въ федераціи, основанныя на добровольномъ соглашеніи, и что они вполнѣ успѣли въ этомъ.

Ломбардскій союзъ, напримѣръ, охватывалъ всѣ города сѣверной Италіи и имѣлъ свою федеральную казну въ Генуѣ и Венеціи. Другія федераціи, какъ Тосканскій союзъ, Рейнскій союзъ (включавшій 60 городовъ), федерація вестфальскихъ, богемскихъ, сербскихъ, польскихъ и русскихъ городовъ—покрывали собою всю Европу. Торговый Ганзейскій союзъ въ то же время обнималъ города Скандинавіи, сѣверной Германіи, Польши и Россіи вокругъ Балтійскаго моря. Всѣ элементы, нужные для образованія добровольныхъ союзовъ, и даже само практическое осуществленіе ихъ, здѣсь на лицо.

До сихъ поръ можно еще видѣть живые примѣры такихъ союзовъ. Посмотрите на Швейцарію. Тамъ союзъ возникъ прежде всего между сельскими общинами (старые кантоны), подобными существовавшимъ и во Франціи въ Лаонской провинціи. Затѣмъ, такъ какъ въ Швейцаріи города не отдѣлялись вполнѣ отъ деревень (какъ это было въ другихъ странахъ, гдѣ города вели обширную внѣшнюю торговлю), то швейцарскіе города помогли деревнямъ во время ихъ возстанія въ шестнадцатомъ вѣкѣ; союзу поэ-

тому удалось объединить и тѣ и другія въ одну федерацію и уцѣлѣть до сихъ поръ.

Но государство, по самой сущности своей, не можетъ терпѣть вольнаго союза; для государственнаго законника онъ составляетъ пугало: „государство въ государствѣ“! Государство не хочетъ терпѣть внутри себя добровольнаго союза людей, существующаго самого по себѣ. Оно признаетъ только подданныхъ. Только государство и его опора—церковь—присвоили себѣ исключительное право быть соединительнымъ звѣномъ между отдѣльными личностями.

Понятно, поэтому, что государство непремѣнно должно было стремиться уничтожить города, основанные на прямой связи между гражданами. Оно обязано было уничтожить всякую внутреннюю связь въ такомъ городѣ, уничтожить самый городъ, уничтожить всякую связь между городами. На мѣсто федеративнаго принципа оно должно поставить подчиненіе и дисциплину. Это самый основной его принципъ. Безъ него оно перестаетъ быть государствомъ и превращается въ федерацію.

И вотъ весь, шестнадцатый вѣкъ, вѣкъ рѣзни и войнъ, вполнѣ исчерпывается этой борьбой на жизнь и смерть, которую нарождающееся государство объявило городамъ и ихъ союзамъ. Города осаждаются, берутся приступомъ и разграбляются; ихъ населеніе избивается и ссылается. Государство одерживаетъ побѣду по всей линіи, и вотъ каковы послѣдствія этой побѣды.

* * *

Въ пятнадцатомъ вѣкѣ Европа была покрыта богатыми городами; ихъ ремесленники, каменщики, ткачи и рѣзчики производили чудеса искусства; ихъ университеты клали основанія наукѣ; ихъ караваны пересѣкали материки, а корабли бороздили моря и рѣки.

И что же осталось отъ всего этого черезъ двѣсти лѣтъ—Города съ 50.000 и 100.000 жителей, какъ Флоренція, гдѣ было больше школъ и больше постелей въ госпи-

таляхъ на каждаго жителя, чѣмъ теперь въ наилучше обставленныхъ въ этомъ отношеніи столицахъ, — превратились въ захудалыя мѣстечки. Ихъ жители были или перебиты, или сосланы; ихъ богатства—присвоены государствомъ или церковью. Промышленность увядала подъ мелочной опекой чиновниковъ; торговля умерла. Самыя дороги, которыя соединяли между собой города, въ семнадцатомъ вѣкѣ сдѣлались непроходимыми.

Государство повсюду сѣяло войну и война опустошала Европу, разоряла тѣ города, которое государство не успѣло разорить непосредственно.

Но, можетъ быть, хоть деревня выиграла отъ этой государственной централизаціи? Нисколько! Посмотрите, что говорятъ историки о жизни въ деревняхъ Шотландіи, Тосканы и Германіи въ четырнадцатомъ вѣкѣ, и сравните это съ описаніями деревенской нищеты въ Англіи въ 1648-мъ году, во Франціи при „королѣ—солнцѣ“ Людовикѣ XIV, въ Германіи, въ Италіи, — однимъ словомъ повсюду, послѣ столѣтняго господства Государства.

Вездѣ нищета, которую единогласно признаютъ и отмѣчаютъ всѣ. Тамъ, гдѣ крѣпостное право было уже уничтожено, оно подъ самыми разнообразными формами было возстановленно, а гдѣ еще не было уничтожено, оно оформилось, подъ покровомъ государства, въ свирѣпое учрежденіе, обладавшее всѣми характерными особенностями древняго рабства, и даже хуже того.

И развѣ можно было бы ожидать чего-нибудь другого отъ Государства, разъ главной его заботой было уничтожить, вслѣдъ за вольными городами, сельскую общину, разрушить всѣ связи, существовавшія между крестьянами, отдать ихъ земли на разграбленіе богатымъ и подчинить ихъ, каждаго въ отдѣльности, власти чиновника, попа и помѣщика?

VIII.

Уничтожить независимость городовъ; разграбить торговыя и ремесленныя гильдіи; сосредоточить въ своихъ рукахъ всю внѣшнюю торговлю городовъ и убить ее; забрать въ свои руки внутреннее управленіе гильдій и подчинить внутреннюю торговлю и ремесла, во всѣхъ мелчайшихъ подробностяхъ, стаду чиновниковъ, и тѣмъ самымъ убить и промышленность, и искусства; задушить мѣстное управленіе; уничтожить мѣстное ополченіе; задавить слабыхъ налогами въ пользу сильныхъ и разорить страну войной— такова была роль нарождающагося Государства въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ.

То же самое, конечно, происходило и въ деревняхъ, среди крестьянъ. Какъ только Государство почувствовало себя достаточно сильнымъ, оно поспѣшило уничтожить сельскую общину, разорить крестьянъ, вполнѣ предоставленныхъ его произволу, и разграбить общинныя земли.

* * *

Правда, историки и политико-экономы, состоящіе на жалованьи у государства, учили насъ всегда, что сельская община представляетъ собою устарѣлую форму землевладѣнія, мѣшающую развитію земледѣлія, и что потому она осуждена была на исчезновеніе подъ вліяніемъ естественныхъ экономическихъ силъ. Политики и буржуазные экономисты продолжаютъ говорить это и до сихъ поръ, и есть даже революціонеры и соціалисты (претендующіе на названіе „научныхъ“ соціалистовъ), которые повторяютъ эту заученную ими въ школѣ басню.

А между тѣмъ, эта самая возмутительная ложь, которую только можно встрѣтить въ наукѣ. Исторія кипитъ документами, несомнѣнно доказывающими всякому, кто только желаетъ знать истину (относительно Франціи для этого достаточно прочесть хотя бы одного Даллоза),—что государство прежде всего лишило сельскую общину всякой независимости, всякихъ судебныхъ, законодательныхъ и

административныхъ правъ: а за тѣмъ ея земли были или просто разграблены богатыми подъ покровительствомъ государства, или же конфискованы самимъ государствомъ.

* * *

Во Франціи грабежъ этотъ начался еще въ шестнадцатомъ столѣтіи и продолжался еще болѣе дѣятельно въ семнадцатомъ. Еще въ 1659-мъ году государство взяло общины подъ свое особое покровительство, и достаточно прочесть указъ Людовика XIV (1667-го года), чтобы понять, что за грабежъ общинныхъ земель начался съ этого времени—„Люди присваивали себѣ земли, когда имъ вздумается... земли дѣлились... чтобы оправдать грабежъ, выдумывались долги, яко-бы числившіеся за общинами", — говоритъ король въ этомъ указѣ... а два года спустя онъ конфискуетъ въ свою собственную пользу всѣ доходы общинъ.—Вотъ что называется „естественной смертью" на яко-бы научномъ языкѣ.

Въ теченіе слѣдующаго столѣтія, по крайней мѣрѣ половина всѣхъ общинныхъ земель была просто на просто присвоена аристократіей и духовенствомъ подъ покровительствомъ государства. И не смотря на это, общины все таки продолжали существовать до 1784-го года. Общинники все еще собирались гдѣ нибудь подъ вязомъ, распредѣляли земли, назначали налоги: свѣдѣнія объ этомъ можно найти у Бабо (Babeau. Le village sous l'ancien régime). Тюрго нашелъ, однако, что общинные совѣты „слишкомъ шумны" и уничтожилъ ихъ въ той провинціи, которой онъ управлялъ; на мѣсто ихъ онъ поставилъ собранія выборныхъ,—изъ состоятельной части населенія. Въ 1787-мъ году, т. е. наканунѣ революціи, государство распространило эту мѣру на всю Францію. Міръ былъ уничтоженъ, и управленіе дѣлами общинъ перешло въ руки немногихъ синдиковъ, избранныхъ наиболѣе зажиточными буржуа и крестьянами. „Учредительное Собраніе" поспѣшило подтвердить этотъ законъ въ декабрѣ 1789 года, послѣ чего буржуазія, занявшая мѣсто дворянъ, стала грабить остатки общинныхъ земель. И только послѣ цѣлаго ряда крестьянскихъ бунтовъ Конвентъ, въ 1792 году, утвердилъ то,

что было уже сдѣлано возставшими крестьянами въ восточной Франціи, т. е. издалъ распоряженіе о возвращеніи крестьянамъ общинныхъ земель. Но это случилось только тогда, когда крестьяне своимъ возстаніемъ и такъ уже отбили землю,—только тамъ, гдѣ они это совершили на дѣлѣ, сами.

Такова, какъ извѣстно, судьба всѣхъ революціонныхъ законовъ: они осуществляются на практикѣ только тогда, когда уже являются совершившимся фактомъ.

Тѣмъ не менѣе, Конвентъ не упустилъ случая подпустить въ этотъ законъ буржуазнаго яда. Въ немъ сказано, что земли, отнятыя у дворянъ, должны быть раздѣлены по-ровну, только между „активными гражданами“ — то есть между деревенской буржуазіей. Однимъ почеркомъ пера Конвентъ лишилъ, такимъ образомъ, права на землю „пассивныхъ гражданъ“, т. е. массу обѣднѣвшихъ крестьянъ, которые больше всего и нуждались въ общинныхъ угодьяхъ. Къ счастью, въ отвѣтъ на это, крестьяне опять стали бунтоваться въ 1793-мъ году. Тогда только Конвентъ издалъ новый законъ, предписывавшій раздѣленіе общинныхъ земель между всѣми крестьянами. Но это распоряженіе никогда не было приведено въ исполненіе, и послужило лишь предлогомъ для новыхъ захватовъ общинныхъ угодій.

* *
*

Всѣхъ этихъ мѣръ казалось было бы достаточно, чтобы заставить общины „умереть естественной смертью“, — какъ выражаются эти господа. И однако, общины продолжали существовать. 24-го Августа 1794 года, господствовавшая тогда реакціонная власть нанесла имъ новый ударъ. Государство конфисковало всѣ общинныя земли, сдѣлало изъ нихъ запасный фондъ, обезпечивающій національный долгъ, и начало продавать ихъ съ аукціона крестьянамъ, а больше всего сторонникамъ буржуазнаго переворота, кончившагося казнью якобинцевъ, т. е. „термидорцамъ“.

Къ счастью, 2-го Преріаля пятаго года, этотъ законъ былъ отмѣненъ, послѣ трехлѣтняго существованія. Но въ то же время были уничтожены и общины, на мѣсто кото-

рыхъ были учреждены „кантональные совѣты“, которые государство легко могло наполнять своими чиновниками. Такъ продолжалось до 1801 года, когда сельскія общины были опять возстановлены; но за то правительство присвоило себѣ право назначать мэровъ и синдиковъ во всѣ 36000 общинъ Франціи! Эта нелѣпость продолжала существовать до революціи 1830-го года, послѣ которой былъ возобновленъ законъ 1784 года. Въ промежутокъ между этим временемъ общинныя земли подверглись опять конфискаціи государствомъ въ 1813 году; затѣмъ въ теченіе трехъ лѣтъ предавались разграбленію. Остатки земель были возвращены только въ 1816 году.

Но и это еще былъ не конецъ. Каждое новое правительство видѣло въ общинныхъ земляхъ источникъ, изъ котораго можно было черпать награды для людей, которые служили правительству поддержкой.

Послѣ 1830 года, три раза—въ первый въ 1837 году и въ послѣдній, уже при Наполеонѣ III—издавались законы, предписывавшіе крестьянамъ раздѣлить общинные лѣса и пастбища подворно; и всѣ три раза правительства были вынуждены отмѣнять эти законы, въ виду сопротивленія крестьянъ. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ III сумѣлъ все таки воспользоваться этимъ и утянуть для своихъ любимцевъ нѣсколько крупныхъ имѣній.

* *
*

Таковы факты и таковы „экономическіе законы“, подъ давленіемъ которыхъ общинное землевладѣніе во Франціи умерло „естественною смертью“. Послѣ этого, можетъ быть, и смерть на полѣ сраженія ста тысячъ солдатъ есть также „естественная смерть“?

То, что произошло во Франціи, случилось также въ Бельгіи, въ Англіи, въ Германіи, въ Австріи; короче говоря, во всей Европѣ, за исключеніемъ славянскихъ странъ. Страннѣе всего то, что и періоды разграбленія общинъ во всѣхъ странахъ Западной Европы также совпадаютъ. Разница была только въ пріемахъ. Такъ, въ Англіи не рѣшались проводить общихъ мѣръ, а предпочли издать нѣсколь-

ко тысячъ отдѣльныхъ актовъ объ обгораживаніи, которыми дворянско-буржуазный парламентъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, утверждалъ конфискацію земли, облекая помѣщика правомъ удерживать за собой обгороженную имъ землю. И несмотря на то, что въ Англіи до сихъ поръ еще видны слѣды тѣхъ бороздъ, которыя служили для передѣла общинныхъ земель на участки, по столько-то на семью, и что мы находимъ въ сочиненіяхъ Маршаля ясное описаніе этого рода землевладѣнія, существовавшаго еще въ началѣ 19-го вѣка,—до сихъ поръ еще находятся ученые люди (вродѣ Сибома, достойнаго ученика Фюстель-де-Куланжа), которые утверждаютъ, что въ Англіи сельскихъ общинъ никогда не существовало помимо крѣпостного права!

Тѣ же пріемы мы видимъ и въ Бельгіи, и въ Германіи, и въ Италіи, и въ Испаніи. Присвоеніе въ личную собственность прежнихъ общинныхъ земель было такимъ образомъ почти завершено къ пятидесятымъ годамъ 19-го столѣтія. Крестьяне удержали за собой лишь жалкіе клочки своихъ общинныхъ земель. Вотъ къ чему привелъ союзъ взаимнаго страхованія между помѣщикомъ, попомъ, солдатомъ и судьей—т. е. Государство — въ отношеніи къ крестьянамъ, которыхъ онъ лишилъ послѣдняго средства обезпеченія отъ нищеты и экономическаго рабства.

* *
*

Теперь спрашивается,— организуя и покрывая, такимъ образомъ, грабежъ общинныхъ земель, могло ли государство допустить существованіе общины, какъ органа мѣстной жизни?

Очевидно нѣтъ.

Допустить, чтобы граждане образовали въ своей средѣ союзъ, которому были бы присвоены нѣкоторыя обязанности государства, было бы противорѣчіемъ государственному принципу. Государство требуетъ прямого и личнаго подчиненія себѣ подданныхъ, безъ посредствующихъ группъ; оно требуетъ равенства въ рабствѣ: оно не можетъ терпѣть „государства въ государствѣ".

Поэтому то въ шестнадцатомъ столѣтіи, какъ только государство начало складываться, оно и приступило къ разрушенію связей, существовавшихъ между гражданами съ городахъ и въ деревняхъ. Если оно иногда и мирилось въ нѣкоторой тѣнью самоуправленія въ городскихъ учрежденіяхъ—но никогда съ независимостью,—то это дѣлалось исключительно ради фискальныхъ цѣлей, ради возможно большаго облегченія общаго государственнаго бюджета, или же для того, чтобы дать возможность состоятельнымъ людямъ въ городахъ обогащаться на счетъ народа; это происходило, напримѣръ, въ Англіи до самого послѣдняго времени и отражается до сихъ поръ въ ея учрежденіяхъ и обычаяхъ: все хозяйство государства вплоть до самаго послѣдняго времени, было въ рукахъ нѣсколькихъ богатыхъ лавочниковъ.

И это вполнѣ понятно. Мѣстная жизнь развивается изъ обычнаго права, тогда какъ римскій законъ ведетъ къ централизаціи власти. Одновременное существованіе того и другого невозможно: одно изъ двухъ должно исчезнуть.

Вотъ почему, напр., въ Алжирѣ, при французскомъ управленіи, когда кабильская джемма, или сельская община, ведетъ какой-нибудь процессъ о своихъ земляхъ, каждый членъ общины долженъ обратиться къ суду съ отдѣльною просьбой, такъ какъ судъ скорѣе выслушаетъ пятьдесятъ или двѣсти отдѣльныхъ просителей, чѣмъ одно коллективное ходатайство цѣлой джеммы. Якобинскій уставъ Конвента (извѣстный подъ именемъ кодекса Наполеона) не признаетъ обычнаго права: для него существуетъ только римское или, скорѣе, византійское право.

Вотъ почему, если гдѣ-нибудь во Франціи сломаетъ вѣтромъ дерево на большой дорогѣ, или, если какой-нибудь крестьянинъ пожелаетъ заплатить камнелому два или три франка вмѣсто того, чтобы самому чинить извѣстный участокъ общинной дороги, то для этого должны засѣсть и царапать перьями цѣлыхъ пятнадцать чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ и государственнаго казначейства; эти великіе дѣльцы должны обмѣняться болѣе, чѣмъ пятидесятью бумагами, и только тогда дерево будетъ про-

дано, а крестьянинъ получитъ разрѣшеніе внести свои два-три франка въ общинную кассу.

Вамъ это, можетъ бытъ, покажется невѣроятнымъ? Посмотрите въ Journal des Economistes статью Трикоша, который составилъ подробный списокъ всѣхъ этихъ пятидесяти бумагъ.

И это, не забудьте, происходитъ при третьей республикѣ: я здѣсь не говорю о „варварскихъ“ пріемахъ стараго порядка, который ограничивался всего пятью или шестью бумагами. Понятно, почему ученые говорятъ, что въ то варварское время контроль государства былъ только номинальный.

* *
*

Но еслибы дѣло было только въ этомъ! Что значило бы, въ концѣ концовъ, лишнихъ 20,000 чиновниковъ и нѣсколько сотъ лишнихъ милліоновъ рублей въ бюджетѣ! Вѣдь это сущіе пустяки для любителей „порядка“ и единообразія.

Но важно то, что надо всѣмъ этимъ лежитъ нѣчто гораздо худшее: самый принципъ, убивающій все живое.

У крестьянъ одной и той же деревни всегда есть тысячи общихъ интересовъ: интересы хозяйственные, отношенія между сосѣдями, постоянное взаимное общеніе; имъ по необходимости приходится соединяться между собою ради всевозможнѣйшихъ цѣлей. Но такого соединенія государство не любитъ. Оно даетъ имъ школу, попа, полицейскаго и судью; чего же имъ больше? И если у нихъ явятся еще какія-нибудь нужды, они должны въ установленномъ порядкѣ обращаться къ церкви и къ государству.

Такъ, до 1883 года во Франціи крестьянамъ строго запрещалось составлять между собою какіе бы то ни было союзы, хотя бы для того, напр., чтобы покупать вмѣстѣ химическое удобреніе, или осушать свои поля. Республика рѣшилась, наконецъ, даровать крестьянамъ эти права только въ 1883—86 годахъ, когда былъ изданъ законъ о синдикатахъ, хотя и урѣзанный всевозможными ограниченіями и мѣрами предосторожности. Раньше этого, во Франціи,

всякое общество, имѣвшее болѣе 19-ти членовъ, считалось противозаконнымъ.

И нашъ умъ такъ извращенъ полученнымъ нами государственнымъ образованіемъ, что мы радуемся, напримѣръ, тому, что земледѣльческіе синдикаты начали съ тѣхъ поръ быстро распространяться во Франціи, не подозрѣвая того, что право союзовъ, котораго крестьяне были лишены цѣлыя столѣтія, составляло ихъ естественное достояніе въ средніе вѣка; что это было безспорное достояніе всякаго и каждаго, свободнаго или крѣпостного. А мы настолько пропитались рабскимъ духомъ, что воображаемъ, будто это право составляетъ одно изъ „завоеваній демократіи".

Вотъ до какого невѣжества довели насъ наше исковерканное и извращенное государствомъ образованіе и наши государственные предразсудки!

IX.

— „Если у васъ есть какія-нибудь общія нужды, въ городѣ или въ деревнѣ, обращайтесь съ ними къ церкви и къ государству. Но вамъ строго воспрещается соединяться вмѣстѣ непосредственно и заботиться о нихъ самимъ". Эти слова раздаются по всей Европѣ, начиная съ шестнадцатаго столѣтія. Уже въ указѣ англійскаго короля Эдуарда III, обнародованномъ въ концѣ четырнадцатаго столѣтія, мы читаемъ, что „всѣ союзы, товарищества, собранія, организованныя общества, статуты и присяги, уже установленныя или имѣющія быть установленными среди плотниковъ и каменщиковъ, отнынѣ будутъ считаться недѣйствительными и упраздненными". Но когда возстанія городовъ и другія народныя движенія, о которыхъ говорилось выше, были подавлены, и государство почувствовало себя полнымъ хозяиномъ, оно рѣшилось наложить руку на всѣ, безъ исключенія, народныя учрежденія (гильдіи, братства и т. д.), которыя связывали до сихъ поръ и ремесленниковъ, и крестьянъ. Оно прямо уничтожило ихъ и конфисковало ихъ имущества.

Особено ясно это видно въ Англіи, гдѣ существуетъ масса документовъ, отмѣчающихъ каждый шагъ этого

уничтоженія. Мало по малу, государство начинаетъ давить на гильдіи и братства все сильнѣе и сильнѣе. Оно постепенно отмѣняетъ сначала ихъ союзы, потомъ ихъ празднества, ихъ старшинъ, которыхъ оно замѣнило своими собственными чиновниками и судьями. Затѣмъ, въ началѣ пятнадцатаго вѣка, при Генрихѣ VIII, государство уже прямо и безъ всякихъ церемоній конфискуетъ имущество гильдій. Наслѣдникъ „великаго“ протестанскаго короля, Эдуардъ VI, докончилъ работу своего отца.

Это былъ настоящій дневной грабежъ, „безъ всякаго оправданія“, какъ совершенно вѣрно говоритъ Торольдъ Роджерсъ. И этотъ то самый грабежъ, такъ называемые „научные“, экономисты выдаютъ намъ теперь за „естественную“ смерть гильдій подъ вліяніемъ экономическихъ законовъ!

* *
*

И въ самомъ дѣлѣ, могло ли государство терпѣть гильдіи или корпораціи, съ ихъ торговлей, съ ихъ собственнымъ судомъ, собственной милиціей, казной и организаціей, скрѣпленной присягой? Для государственныхъ людей онѣ были „государствомъ въ государствѣ“! Государство было обязано раздавить ихъ, — и оно, дѣйствительно, раздавило ихъ повсюду—въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, въ Богеміи, сохранивши отъ нихъ лишь внѣшнюю форму, удобную для его фискальныхъ цѣлей, и составляющую просто часть огромной административной машины.

Удивительно ли послѣ этого, что гильдіи и ремесленные союзы, лишенные всего того, что прежде составляло ихъ жизнь, и подчиненные королевскимъ чиновникамъ, превратились въ 18-мъ столѣтіи лишь въ бремя, въ препятствіе для промышленнаго развитія вмѣсто того, чтобы быть самой сущностью его, какой они были за четыреста лѣтъ до того? Государство убило ихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, оно не только уничтожило ту независимость и самобытность, которыя были необходимы для жизни гильдій и для защиты ихъ отъ вторженія государства, оно не только конфисковало всѣ богатства и имущес-

тва гильдій; оно вмѣстѣ съ тѣмъ присвоило себѣ и всѣ ихъ экономическія отправленія.

Когда внутри средневѣковаго города случалось столкновеніе промышленныхъ интересовъ, или когда двѣ гильдіи не могли придти къ обоюдному соглашенію, за разрѣшеніемъ спора не къ кому было больше обращаться, какъ ко всему городу. Спорящія стороны бывали принуждены сойтись на чемъ-нибудь, найти какой-нибудь компромиссъ, потому что всѣ гильдіи города были заинтересованы въ этомъ. И такъ компромиссъ находили; иногда, въ случаѣ нужды, въ качествѣ третейскаго судьи приглашался сосѣдній городъ.

Отнынѣ единственнымъ судьей являлось государство. По поводу каждаго мельчайшаго спора въ какомъ-нибудь ничтожномъ городкѣ въ нѣсколько сотъ жителей — въ королевскихъ и парламентскихъ канцеляріяхъ скоплялись вороха безполезныхъ бумагъ и кляузъ. Англійскій парламентъ, напримѣръ, былъ буквально заваленъ тысячами такихъ мелкихъ мѣстныхъ дрязгъ. Пришлось держать въ столицѣ тысячи чиновниковъ (большею частью продажныхъ), чтобы сортировать, читать, разбирать всѣ эти бумаги и постановлять по нимъ рѣшенія; чтобы регулировать и упорядочивать ковку лошадей, бѣленье полотна, соленіе селедокъ, дѣланье бочекъ и т. д. до безконечности... а кучи дѣлъ все росли и росли!

Но и это было еще не все. Скоро государство наложило свою руку и на внѣшнюю торговлю. Оно увидѣло въ ней средство къ обогащенію и поспѣшило захватить его. Прежде, когда между двумя городами возникало какое-нибудь разногласіе по поводу стоимости вывозимаго сукна, чистоты шерсти или вмѣстимости боченковъ для селедокъ, города сносились по этому поводу между собою. Если споръ затягивался, они обращались къ третьему городу и призывали его въ третейскіе судьи (это случалось сплошь и рядомъ); или же созывался особый съѣздъ гильдій ткачей, или бочаровъ, чтобы придти къ международному соглашенію на счетъ качества и стоимости сукна или вмѣстимости бочекъ. Теперь явилось государство, которое

взялось рѣшать всѣ эти споры изъ одного центра, изъ Парижа или изъ Лондона. Оно начало предписывать черезъ своихъ чиновниковъ объемъ бочекъ, качество сукна, число нитокъ и ихъ толщину въ основѣ и уткѣ; оно начало вмѣшиваться своими распоряженіями въ подробности каждаго ремесла.

* *
*

Результатъ вамъ извѣстенъ. Задавленная этимъ контролемъ, промышленность въ 18-мъ столѣтіи вымирала. Куда, въ самомъ дѣлѣ, дѣвалось искусство Бенвенуто Челлини подъ опекой государства?—Оно умерло! А что сталось съ архитектурой тѣхъ гильдій каменщиковъ и плотниковъ, произведеніямъ которыхъ мы удивляемся до сихъ поръ?—Стоитъ лишь взглянуть на уродливые памятники государственнаго періода, чтобы сразу отвѣтить, что архитектура замерла настолько, что и до сихъ поръ еще не можетъ оправиться отъ удара, нанесеннаго ей государствомъ.

Что сталось съ брюжскими полотнами, съ голландскими сукнами? Куда дѣвались тѣ кузнецы, которые умѣли такъ искусно обращаться съ желѣзомъ, что чуть ли не во всякомъ европейскомъ городкѣ изъ подъ ихъ рукъ выходили изящнѣйшія украшенія изъ этого неблагороднаго металла? Куда дѣвались токари, часовщики, тѣ мастера, которые создали въ средніе вѣка славу Нюренберга своими точными инструментами? Вспомните хотя бы Джемса Уатта; въ концѣ восемнадцатаго вѣка онъ напрасно искалъ въ продолженіе тридцати лѣтъ людей, которые сумѣли бы выточить точные цилиндры для его паровой машины; его міровое изобрѣтеніе въ теченіе тридцати лѣтъ оставалось грубой моделью за неимѣніемъ мастеровъ, которые могли бы сдѣлать по ней машину.

Таковы были результаты вмѣшательства государства въ промышленность. Все, что оно сумѣло сдѣлать — это придавить, принизить работника, обезлюдить страну, посѣять нищету въ городахъ, довести милліоны людей въ деревняхъ до голоданія,—выработать систему промышленнаго рабства.

И вотъ эти то жалкіе остатки старыхъ гильдій, эти

то организмы, раздавленные и задушенные государствомъ, эти то безполезныя части государственной администраціи— „научные“ экономисты смѣшиваютъ въ своемъ невѣжествѣ со средневѣковыми гильдіями. То, что было уничтожено великой революціей, какъ помѣха промышленности, были уже не гильдіи, и даже не рабочіе союзы: это были безполезныя и даже вредныя части государственной машины.

* * *

Но что революція тщательно сохранила, это—власть государства надъ промышленностью, надъ промышленнымъ рабомъ—рабочимъ.

Вспомните, что говорилось въ Конвентѣ—въ страшномъ террористическомъ Конвентѣ—по поводу одной стачки, въ отвѣтъ на требованія стачечниковъ (цитирую на память): „одно государство имѣетъ право блюсти интересы гражданъ. Вступая въ стачку, вы составляете коалицію, вы создаете государство въ государствѣ. А потому—смертная казнь за стачку!“

Обыкновенно, въ этомъ отвѣтѣ видятъ только буржуазный характеръ французской революціи. Но нѣтъ ли въ немъ еще и другого, болѣе глубокаго смысла? Не указываетъ ли онъ на отношеніе государства ко всему обществу вообще—отношеніе, нашедшее себѣ самое яркое выраженіе въ якобинствѣ 1793 года?

„Если вы чѣмъ-нибудь недовольны, обращайтесь къ государству! Оно одно имѣетъ право удовлетворять жалобы своихъ подданыхъ. Но соединяться вмѣстѣ для самозащиты—этого нельзя!“ Въ этомъ то смыслѣ республика и называла себя единой и нераздѣльной.

И развѣ не такъ же думаетъ и современный соціалистъ-якобинецъ? Развѣ Конвентъ, съ присущей ему свирѣпой логикой, не выразилъ его сокровенной мысли?

* * *

Въ этомъ отвѣтѣ Конвента выразилось отношеніе всякаго государства ко всѣмъ сообществамъ, ко всѣмъ частнымъ организаціямъ, каковы бы ни были ихъ цѣли.

Что касается стачки въ Россіи, она и теперь еще считается преступленіемъ противъ государства.

Въ значительной степени то же можно сказать и о Германіи, гдѣ императоръ Вильгельмъ еще недавно говорилъ углекопамъ: „Обращайтесь ко мнѣ; но если вы когда-нибудь посмѣете дѣйствовать въ своихъ интересахъ сами, вы скоро познакомитесь со штыками моихъ солдатъ!“

То же самое почти всегда происходитъ и во Франціи. И даже въ Англіи, только послѣ столѣтней борьбы путемъ тайныхъ обществъ, путемъ кинжала, пускаемаго въ ходъ противъ предателя и хозяина, путемъ подкладыванія пороха подъ машины (недальше, какъ въ 1860 году), наждака въ подшипники и т. п. англійскимъ рабочимъ почти удалось добиться права стачекъ. Они скоро добьются его окончательно, если только не попадутся въ ловушку, уже разставленную имъ государствомъ, которое хочетъ навязать имъ обязательное посредничество въ столкновеніяхъ съ хозяевами, въ обмѣнъ на законъ о восьми-часовомъ рабочемъ днѣ.

Больше ста лѣтъ ужасной борьбы! И сколько страданій, сколько рабочихъ умерло въ тюрьмахъ, сколько сослано въ Австралію, убито, повѣшено! И все это для того, чтобы возвратить себѣ то право,—соединяться въ союзы, которое—повторяю опять—составляло достояніе каждаго человѣка, свободнаго или крѣпостного, въ тѣ времена, когда Государство еще не успѣло наложить свою тяжелую руку на общество.

* *
*

Но не только рабочіе подверглись этой участи. Вспомните о той борьбѣ, которую пришлось выдержать съ государствомъ буржуазіи, чтобы добиться права образовывать торговыя общества—права, которое государство предоставило ей только тогда, когда увидѣло въ такихъ обществахъ легкій способъ создавать монополіи въ пользу своихъ служителей и пополнять свою казну. А борьба за право говорить, писать, или даже думать не такъ, какъ велитъ государство посредствомъ своихъ академій, университетовъ и церкви! А борьба за право учить, хотя бы только грамотѣ, право, которое государство оставляетъ за собой, и которымъ оно не пользуется. А право даже веселиться сообща?

Я уже не говорю о выборныхъ судьяхъ, или о томъ, что въ средніе вѣка человѣку очень часто предоставлялось самому выбирать, у какого судьи онъ желаетъ судиться и по какому закону. И я не говорю также о той борьбѣ, которая еще предстоитъ намъ прежде, чѣмъ наступитъ день, когда будетъ сожжена книга возмутительныхъ наказаній, порожденныхъ духомъ инквизиціи и восточныхъ деспотій, книга, извѣстная подъ названіемъ Уголовнаго Закона.

*
* *

Или посмотрите на систему налоговъ — учрежденіе чисто государственнаго происхожденія, являющееся могучимъ орудіемъ въ рукахъ государства, которое пользуется имъ, какъ во всей Европѣ, такъ и въ молодыхъ республикахъ Соединенныхъ Штатовъ Америки, для того, чтобы держать подъ своей властью массы населенія, доставлять выгоды своимъ сторонникамъ, раззорять большинство въ угоду правящему меньшинству, и поддерживать старыя общественныя дѣленія, старыя касты.

Посмотрите на войны, безъ которыхъ государство не можетъ ни образовываться, ни существовать,—войны, которыя дѣлаются неизбѣжными, какъ только мы допустимъ, что извѣстная мѣстность (только потому, что она составляетъ одно государство) можетъ имѣть интересы противоположные интересамъ сосѣднихъ мѣстностей. Подумайте только о прошлыхъ войнахъ, и будущихъ, которыя грозятъ намъ; о войнахъ за торговые рынки; о войнахъ для созданія колоніальныхъ имперій... А мы всѣ знаемъ, какое рабство несетъ съ собой война, все равно кончается ли она побѣдой или пораженіемъ.

* *
*

Но изъ всѣхъ перечисленныхъ мною золъ, едва ли не самое худшее—это воспитаніе, которое намъ дастъ государство, какъ въ школѣ, такъ и въ послѣдующей жизни. Государственное воспитаніе такъ извращаетъ нашъ мозгъ, что само понятіе о свободѣ въ насъ исчезаетъ и затѣняется понятіями рабскими.

Грустно видѣть, какъ глубоко многіе изъ тѣхъ, которые считаютъ себя революціонерами, ненавидятъ анархис-

товъ только потому, что анархическое понятіе о свободѣ не укладывается въ то узкое и странное представленіе о ней, которое они почерпнули изъ своего проникнутаго государственнымъ духомъ воспитанія. А между тѣмъ, намъ приходится встрѣчаться съ этимъ на каждомъ шагу.

Зависитъ это отъ того, что въ молодыхъ умахъ всегда искусно развивали, и до сихъ поръ развиваютъ, духъ добровольнаго рабства, съ цѣлью упрочить на вѣки подчиненіе подданнаго государству.

Философію, проникнутую любовью къ свободѣ, всячески стараются засушить католически-государственною философіей. Исторію извращаютъ, начиная уже съ самой первой страницы, гдѣ разсказываются басни о меровингскихъ, каролингскихъ и рюриковскихъ династіяхъ,—и до самой послѣдней, гдѣ воспѣвается якобинство, народъ и его роль въ созданіи общественныхъ учрежденій обходятся молчаніемъ. Даже естествознаніе ухитряются извратить въ пользу двуголоваго идола, церкви и государства; а психологію личности, и еще больше общества, искажаютъ на каждомъ шагу, чтобы оправдать тройственный союзъ—изъ солдата, попа и палача.

Даже теорія нравственности, которая въ теченіе цѣлыхъ столѣтій проповѣдывала повиновеніе церкви, или той или другой, якобы священной книгѣ, освобождается теперь отъ этихъ путъ только затѣмъ, чтобы проповѣдывать повиновеніе государству; „У васъ нѣтъ никакихъ прямыхъ обязаностей по отношенію къ вашему ближнему, въ васъ нѣтъ даже чувства взаимности; всѣ ваши обязанности — обязанности по отношенію къ государству; безъ государства вы перегрызли бы другъ другу горло“, — учитъ насъ эта религія, называющая себя „научною“, въ то время какъ она молится все тому же, престарому, римскому и кесарьскому божеству. „Сосѣдъ, другъ, общинникъ, со-гражданинъ,—ты долженъ забыть все это! ты долженъ сноситься съ другими не иначе, какъ чрезъ посредство одного изъ органовъ твоего государства. И всѣ вы должны упражняться въ одной добродѣтели: учиться быть рабами государства. Государство—твой богъ!“

И это прославленіе государства и дисциплины, надъ которыми трудятся и церковь, и университетъ, и пресса, и политическія партіи, производится съ такимъ успѣхомъ, что даже революціонеры не смѣютъ смотрѣть этому новому идолу прямо въ глаза.

Современный радикалъ — централистъ, государственникъ и якобинецъ до мозга костей. По его же стопамъ идутъ и соціалисты. Подобно флорентинцамъ конца пятнадцатаго столѣтія, которые отдались въ руки государства, чтобы спастись отъ деспотизма патриціевъ, современные соціалисты не находятъ ничего лучшаго, какъ призвать тѣхъ же боговъ—ту же диктатуру, то же государство, чтобы спастись отъ гнусностей экономической системы, созданной тѣмъ же государствомъ!

X.

Если вы вникнете глубже во всѣ тѣ разнообразные факты, которыхъ мы могли лишь поверхностно коснуться въ этомъ очеркѣ; если вы посмотрите на государство, какимъ оно явилось въ исторіи, и какимъ по существу своему продолжаетъ быть и теперь, если вы убѣдитесь, какъ убѣдились мы, что общественное учрежденіе не можетъ служить безразлично всѣмъ цѣлямъ, потому что, какъ всякій органъ, оно развивается ради одной извѣстной функціи, а не ради всѣхъ безразлично,—вы поймете, почему мы неизбѣжно приходимъ къ заключенію о необходимости уничтоженія государства.

Мы видимъ въ немъ учрежденіе, которое въ теченіе всей исторіи человѣческихъ обществъ служило для того, чтобы мѣшать всякому союзу людей между собою, чтобы препятствовать развитію мѣстнаго почина, душить уже существующія вольности и мѣшать возникновенію новыхъ. И мы знаемъ, что учрежденіе, которое прожило уже нѣсколько столѣтій и прочно сложилось въ извѣстную форму ради того, чтобы выполнить извѣстную роль въ исторіи, не можетъ быть приноровлено къ роли противоположной.

* * *

Что же намъ говорятъ въ отвѣтъ на этотъ доводъ, неопровержимый для всякаго, кто только задумывался надъ

исторіей? Намъ противопоставляютъ возраженіе почти дѣтское: „Государство уже есть, оно существуетъ и представляетъ готовую и сильную организацію. Зачѣмъ же разрушать ее, если можно ею воспользоваться? Правда, теперь она вредна, но это потому, что она находится въ рукахъ эксплуататоровъ. А разъ она попадетъ въ руки народа, почему же ей не послужить для благой цѣли, для народнаго блага?“

Это—все та же мечта шиллеровскаго маркиза Позы, пытавшагося превратить самодержавіе въ орудіе освобожденія, или мечта аббата Фроманна въ романѣ Золя, „Римъ“, пытающагося сдѣлать изъ католической церкви рычагъ соціализма!...

Не грустно ли, что приходится отвѣчать на такіе доводы? Вѣдь тотъ, кто разсуждаетъ такимъ образомъ, или не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ исторической роли государства, или же представляетъ себѣ соціальную революцію въ такомъ жалкомъ и ничтожномъ видѣ, что она не имѣетъ ничего общаго съ соціалистическими стремленіями.

* * *

Возьмемъ, какъ конкретный примѣръ, Францію. Всѣмъ намъ извѣстенъ тотъ поразительный фактъ, что третья республика во Франціи, несмотря на свою республиканскую форму, остается по существу монархической. Всѣ мы упрекаемъ ее за то, что она оказалась неспособной сдѣлать Францію республиканской; я уже не говорю о томъ, что она ничего не сдѣлала для соціальной революціи: я хочу только сказать, что она даже не внесла республиканскихъ нравовъ и республиканскаго духа. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь все то немногое, что дѣйствительно б ы л о сдѣлано въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ для демократизаціи нравовъ или для распространенія просвѣщенія,—дѣлалось повсюду, даже еврогейскихъ монархіяхъ, подъ давленіемъ духа того времени, которое мы переживаемъ.—Откуда же явился во Франціи этотъ странный государственный строй—республиканская монархія?

Происходитъ онъ отъ того, что Франція была и осталась Государствомъ въ той же мѣрѣ, въ какой она была тридцать лѣтъ тому назадъ. Имена правителей измѣнились,

но все это огромное чиновничье зданіе, созданное во Франціи цо образцу императорскаго Рима, осталось; колеса этого громаднаго механизма продолжаютъ по прежнему обмѣниваться пятидесятью бумагами каждый разъ, когда вѣтромъ снесетъ дерево на большой дорогѣ. Штемпель на бумагахъ измѣнился, но государство, его духъ, его органы, его территоріальная централизація и централизація функцій—остались безъ перемѣны. Мало того: какъ всякіе паразиты, они день ото дня все больше и больше расползаются по всей странѣ.

Республиканцы—по крайней мѣрѣ искренніе—долго льстили себя надеждой, что имъ удастся воспользоваться государственной организаціей для того, чтобы произвести перемѣну въ республиканскомъ смыслѣ; мы видимъ теперь, какъ они обочлись.

Вмѣсто того, чтобы уничтожить старую организацію, уничтожить государство и создать новыя формы объединенія, исходя изъ самыхъ основныхъ единицъ каждаго общества—изъ сельской общины, свободнаго союза рабочихъ и т. д.—они захотѣли „воспользоваться старой, уже существующей организаціей". И за это непониманіе той истины, что историческое учрежденіе нельзя заставить по произволу работать то въ томъ, то въ другомъ направленіи, что оно имѣетъ свой собственный путь развитія, они поплатились тѣмъ, что были сами поглощены этимъ учрежденіемъ.

А между тѣмъ, здѣсь дѣло еще не шло объ измѣненіи всѣхъ экономическихъ отношеній общества, какъ идетъ у насъ: вопросъ былъ лишь въ измѣненіи нѣкоторыхъ политическихъ отношеній между людьми.

* *
*

И, несмотря на эту полную неудачу, несмотря на такой жалкій результатъ, намъ все еще продолжаютъ повторять, что завоеваніе государственной власти народомъ будетъ достаточно для совершенія соціальной революціи. Насъ хотятъ увѣрить, несмотря на всѣ неудачи, что старая машина, старый организмъ, медленно выработавшійся въ теченіе хода исторіи съ цѣлью убивать свободу, порабощать личность, подыскивать для притѣсненія законное основаніе,

отуманивать человѣческіе умы, постепенно пріучая ихъ къ рабству мысли,—какимъ то чудомъ вдругъ окажется пригоднымъ для новой роли: вдругъ явится и орудіемъ, и рамками, въ которыхъ создастся новая жизнь, водворится свобода и равенство на экономическомъ основаніи, наступитъ пробужденіе общества и завоеваніе имъ лучшаго будущаго!..

Какая нелѣпость! Какое непониманіе исторіи!

Чтобы дать просторъ широкому росту соціализма, нужно вполнѣ перестроить все современное общество, основанное на узкомъ лавочническомъ индивидуализмѣ. Вопросъ не только въ томъ, чтобы, какъ иногда выражаются на метафизическомъ языкѣ, „возвратить рабочему цѣликомъ весь продуктъ его труда“, но въ томъ, чтобы измѣнить самый характеръ всѣхъ отношеній между людьми, начиная съ отношеній отдѣльнаго обывателя къ какому-нибудь церковному старостѣ или начальнику станціи,—и кончая отношеніями между различными ремеслами, деревнями, городами и областями. На всякой улицѣ, во всякой деревушкѣ, въ каждой группѣ людей, сгруппировавшихся около фабрики или желѣзной дороги, долженъ проснуться творческій созидательный и организаціонный духъ,—для того, чтобы и на фабрикѣ, и на желѣзной дорогѣ, и въ деревнѣ, и въ складѣ продуктовъ, и въ потребленіи, и въ производствѣ, и въ распредѣленіи все перестроилось по новому. Всѣ отношенія между личностями и человѣческими группами должны будутъ подвергнуться перестройкѣ съ того самаго часа, когда мы рѣшимся дотронуться впервые до современной общественной организаціи, до ея коммерческихъ или административныхъ учрежденій.

И вотъ эту то гигантскую работу, требующую свободной дѣятельности народнаго творчества, хотятъ втиснуть въ рамки государства! хотятъ ограничить предѣлами пирамидальной организаціи, составляющей сущность государства! Изъ государства, самый смыслъ существованія котораго заключается, какъ мы видѣли, въ подавленіи личности, въ уничтоженіи всякой свободной группировки, всякаго свободнаго творчества, въ ненависти ко всякому личному почину и въ торжествѣ о д н о й идеи (которая по необходимости должна быть идеей посредственности),—изъ этого механиз-

ма хотятъ сдѣлать орудіе для выполненія гигантскаго превращенія!... Цѣлымъ общественнымъ обновленіемъ хотятъ управлять путемъ указовъ и избирательнаго большинства!. Какое ребячество!

Черезъ всю исторію нашей цивилизаціи проходятъ два теченія, двѣ враждебныя традиціи: римская и народная; императорская и федералистская; традиція власти и традиція свободы. И теперь наканунѣ великой соціальной революціи, эти двѣ традиціи опять стоятъ лицемъ къ лицу.

Которое намъ выбрать изъ этихъ двухъ борящихся въ человѣчествѣ теченій—теченіе народное или теченіе правительственнаго меньшинства, стремящагося къ политическому и религіозному господству,—сомнѣнія быть не можетъ. Нашъ выборъ сдѣланъ. Мы пристаемъ къ тому теченію, которое еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ приводило людей къ организаціи, основанной на свободномъ соглашеніи, на свободномъ починѣ личности, на вольной федераціи тѣхъ, кто нуждается въ ней. Пусть другіе стараются, если хотятъ держаться за традиціи каноническаго и императорскаго Рима!

Исторія не представляетъ одной, непрерывной линіи развитія. По временамъ развитіе останавливалось въ одной части свѣта, а затѣмъ возобновлялось въ другой. Египетъ, Азія, берега Средиземнагоморя, центральная Европа поочередно перебывали ареной историческаго развитія. И каждый разъ развитіе начиналось съ первобытнаго племени; затѣмъ оно переходило въ стадію сельской общины: затѣмъ наступалъ періодъ вольныхъ городовъ и, наконецъ, періодъ государства, во время котораго развитіе продолжалось нѣкоторое время, но затѣмъ вскорѣ замирало.

Въ Египтѣ цивилизація началась въ средѣ первобытнаго племени, достигла ступени сельской общины; потомъ пережила періодъ вольныхъ городовъ, и позднѣе приняла форму государства, которое послѣ временнаго процвѣтанія привело къ смерти страны.

Развитіе снова началось въ Ассиріи, въ Персіи, въ Палестинѣ; снова оно прошло черезъ тѣ же ступени—первобытнаго племени, сельской общины, вольнаго города, всесильнаго государства, и затѣмъ опять наступила—смерть!

Новая цивилизація возникла въ Греціи. Опять начавшись съ первобытнаго племени, медленно переживъ стадію сельской общины, она вступила въ періодъ республиканскихъ городовъ. Въ этой формѣ греческая цивилизація достигла своего полнаго расцвѣта. Но вотъ съ востока на нее повѣяло ядовитымъ дыханіемъ восточныхъ деспотическихъ традицій. Войны и побѣды создали македонскую имперію Александра. Водворилось государство, и начало сосать жизненные соки изъ цивилизаціи, пока не насталъ тотъ же конецъ—смерть!

Цивилизація перенеслась тогда въ Римъ. Здѣсь мы опять видимъ зарожденіе изъ первобытнаго племени; потомъ сельскую общину, и затѣмъ вольный городъ. Опять въ этой формѣ римская цивилизація достигла своего апогея. Но затѣмъ явилось государство, имперія, и съ нею конецъ —смерть!

На развалинахъ римской имперіи цивилизація возродилась среди кельтскихъ, германскихъ, славянскихъ и скандинавскихъ племенъ. Медленно вырабатывало первобытное племя свои учрежденія, пока они не приняли формы сельской общины. Въ этой стадіи они дожили до двѣнадцатаго столѣтія. Тогда возникли республиканскіе вольные города, породившіе тотъ славный расцвѣтъ человѣческаго ума, о которомъ свидѣтельствуютъ намъ памятники архитектуры, широкое развитіе искусствъ и открытія, положившія основанія нащему естествознанію. Но затѣмъ явилось на сцену государство и... неужели опять смерть? Да, смерть —или возрожденіе! Смерть, если мы не сумѣемъ перестроить общество на свободномъ, противогосударственномъ фундаментѣ.

Одно изъ двухъ. Или государство должно быть разрушено, и въ такомъ случаѣ новая жизнь возникнетъ въ тысячѣ центровъ, на почвѣ энергической личной и групповой иниціативы, на почвѣ вольнаго соглашенія. Или же государство раздавитъ личность и мѣстную жизнь, завладѣетъ всѣми областями человѣческой дѣятельности, принесетъ съ собою войны и внутреннюю борьбу изъ за обладанія властью, поверхностныя революціи, лишь смѣняющія тирановъ и какъ неизбѣжный конецъ,—смерть!

Выбирайте сами!

Ж. 404

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

При трудовой книжной артели освобожденныхъ шлиссельбургцевъ. ПЕТРОГРАДЪ, ПОКРОВСКАЯ 1.